a 20

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

Рассказы о животных

а20

СНАП

История бультерьера[1]

I

Я увидел его впервые в сумерках.

Рано утром я получил телеграмму от своего школьного товарища Джека:

«Посылаю тебе замечательного щенка. Будь с ним вежлив. Так оно безопаснее».

У Джека такой характер, что он мог прислать мне адскую машину или бешеного хорька вместо щенка, поэтому я дожидался посылки с некоторым любопытством. Когда она прибыла, я увидел, что на ней написано: «Опасно». Изнутри при малейшем движении доносилось ворчливое рычание. Заглянув в заделанное решеткой отверстие, я, однако, увидел не тигренка, а всего-навсего маленького белого бультерьера. Он старался укусить меня и все время сварливо рычал. Собаки рычат на два лада: низким, грудным голосом – это вежливое предупреждение или исполненный достоинства ответ и громко, почти визгливо – это последнее слово перед нападением. И белый песик рычал именно так. Как любитель собак, я думал, что сумею справиться с любой из них. Поэтому, отпустив носильщика, я достал свой складной нож, с успехом заменявший молоток, топорик, ящик с инструментом и кочергу (специальность нашей фирмы) и сорвал решетку. Бесенок грозно рычал при каждом ударе по доскам и, как только я повернул ящик набок, устремился прямо к моим ногам. Если бы только его лапка не запуталась в проволочной сетке, мне пришлось бы плохо – он явно не собирался шутить. Я вскочил на стол, где он не мог меня достать, и попытался урезонить его. Я всегда был сторонником разговоров с животными. По моему глубокому убеждению, они улавливают общий смысл нашей речи и наших намерений, хотя бы даже и не понимая слов. Но этот щенок, по-видимому, считал меня лицемером и презрел все мои заискивания. Сперва он уселся под столом, зорко глядя во все стороны, не появится ли пытающаяся спуститься нога. Я был вполне уверен, что мог бы привести его к повиновению взглядом, но мне никак не удавалось взглянуть ему в глаза, и поэтому я оставался на

[1] Бультерьер – порода собак.

столе. Я человек хладнокровный. Ведь я представитель фирмы, торгующей скобяными изделиями, а наш брат вообще славится присутствием духа, уступая разве только господам, торгующим готовым платьем.

Итак, я достал сигару и закурил, сидя по-турецки на столе, в то время как маленький деспот дожидался внизу моих ног. Затем я вынул из кармана телеграмму и перечел ее: «Замечательный щенок. Будь с ним вежлив. Так оно безопаснее». Думаю, что мое хладнокровие успешно заменило в этом случае вежливость, ибо полчаса спустя рычание затихло. По прошествии часа он уже не бросался на газету, осторожно опущенную со стола для испытания его чувств. Возможно, что раздражение, вызванное клеткой, немного улеглось. А когда я закурил третью сигару, щенок неторопливо прошествовал к камину и улегся там, впрочем не забывая меня — на это я не мог пожаловаться. Один его глаз все время следил за мной. Я же следил обоими глазами не за ним, а за его коротким хвостиком. Если бы этот хвост хоть единый раз дернулся в сторону, я почувствовал бы, что победил. Но хвостик оставался неподвижным. Я достал книжку и продолжал сидеть на столе до тех пор, пока не затекли ноги и не начал гаснуть огонь в камине. К десяти часам стало прохладно, а в половине одиннадцатого огонь окончательно потух. Подарок моего друга встал на ноги и, позевывая, потягиваясь, отправился ко мне под кровать, где лежал меховой коврик. Легко переступив со стола на буфет и с буфета на камин, я также достиг постели и, без шума раздевшись, ухитрился улечься, не встревожив своего повелителя. Не успел я еще заснуть, когда услышал легкое царапанье и почувствовал, что кто-то ходит по кровати, затем по ногам. Снап[1], по-видимому, нашел, что внизу слишком холодно, и решил расположиться со всем возможным комфортом.

Он свернулся у меня в ногах очень неудобным для меня образом. Но напрасно было бы пытаться устроиться поуютнее, потому что едва я пробовал двинуться, как он вцеплялся в мою ногу с такой яростью, что только толстое одеяло спасало меня от тяжкого увечья. Прошел целый час, прежде

[1] Снап (snap) означает «хвать», «щелк».

чем мне удалось так расположить ноги, передвигая их каждый раз на волосок, что можно было наконец уснуть. В течение ночи я несколько раз был разбужен гневным рычанием щенка — быть может, потому, что осмеливался шевелить ногой без его разрешения, но, кажется, также и за то, что позволял себе изредка храпеть.

Утром я хотел встать раньше Снапа. Видите ли, я назвал его Снапом... Полное его имя было Джинджерснап[1]. Некоторым собакам с трудом приискиваешь имя, другим же не приходится придумывать клички — они являются как-то сами собой.

Итак, я хотел встать в семь часов. Снап предпочел отложить вставание до восьми, поэтому мы встали в восемь. Он разрешил мне затопить камин и позволил одеться, ни разу не загнав меня на стол. Выходя из комнаты, чтобы приготовить завтрак, я заметил:

— Снап, друг мой, некоторые люди стали бы воспитывать тебя с помощью хлыста, но мне кажется, что мой план лучше. Теперешние доктора рекомендуют систему лечения, которая называется «оставлять без завтрака». Я испробую ее на тебе.

Было жестоко весь день не давать ему еды, но я выдержал характер. Он расцарапал всю дверь, и мне потом пришлось ее заново красить, но зато к вечеру он охотно согласился взять из моих рук немного пищи.

Не прошло и недели, как мы уже были друзьями. Теперь он спал у меня на кровати, не пытаясь искалечить меня при малейшем движении. Система лечения, которая называлась «оставлять без завтрака», сделала чудеса, и через три месяца нас нельзя было разлить водой. Оказалось также, что в телеграмме он не зря был назван замечательным щенком.

Казалось, чувство страха было ему незнакомо. Когда он встречал маленькую собачку, он не обращал на нее никакого внимания, но стоило появиться здоровому псу, как он струной вытягивал свой обрубленный хвост и принимался прохаживаться вокруг незнакомца, презрительно шаркая задними ногами и поглядывая на небо, на землю, вдаль — куда угодно, за исключением его самого, и отмечая его присутствие только частым рычанием на высоких нотах. Если незнакомец не спешил удалиться, начинался бой. После боя незнакомец в большинстве случаев удалялся с особой готовностью. Случалось и Снапу проигрывать сражение, но ника-

[1] Джинджерснап (gingersnap) — хрустящий пряник с имбирем.

кой горький опыт не мог вселить в него и крупицы осторожности.

Однажды, катаясь в извозчичьей карете во время собачьей выставки, Снап увидел слоноподобного сенбернара на прогулке. Его размеры вызвали у щенка такой бешеный восторг, что он стремглав ринулся из окна кареты и сломал себе ногу.

Он не знал, что такое страх. Он не был похож ни на одну из известных мне собак. Например, если мальчишке случалось швырнуть в него камнем, он тотчас же пускался бежать, но не от мальчишки, а к нему. И если мальчишка снова швырял камень, Снап немедленно разделывался с ним, чем приобрел всеобщее уважение. Только я и рассыльный нашей конторы умели видеть его хорошие стороны. Только нас двоих он считал достойными своей дружбы. К половине лета Карнéги, Вандербúлдт и Астор[1], вместе взятые, не могли бы собрать достаточно денег, чтобы купить у меня моего маленького Снапа.

II

Хотя я не был коммивояжером, тем не менее фирма, в которой я служил, отправила меня осенью в путешествие, и Снап остался вдвоем с квартирной хозяйкой. Они не сошлись характерами. Он ее презирал, она его боялась, и оба ненавидели друг друга.

Я был занят сбытом колючей проволоки в северных штатах. Письма мне доставлялись раз в неделю. В своих письмах моя хозяйка постоянно жаловалась на Снапа.

Прибыв в Мендóзу, в Северной Дакóте, я нашел хороший сбыт для проволоки. Разумеется, главные сделки я заключал с крупными торговцами, но я потолкался и среди фермеров, чтобы узнать их нужды и потребности, и таким образом познакомился с фермой братьев Пéнруф.

Нельзя побывать в местности, где занимаются скотоводством, и не услышать о злодеяниях какого-нибудь лукавого и кровожадного волка. Прошло то время, когда волки попадались на отраву. Братья Пенруф, как и все разумные скотоводы, отказались от отравы и капканов и принялись обучать разного рода собак охоте на волка, надеясь не только избавить окрестности от врагов, но и поразвлечься.

Гончие оказались слишком слабосильными для реши-

[1] Три американских миллиардера.

тельной схватки, датские доги — чересчур неуклюжими, а борзые не могли преследовать зверя, не видя его. Каждая порода имела какой-нибудь роковой недостаток. Ковбои надеялись добиться толку с помощью смешанной своры, и, когда меня пригласили на охоту, я очень забавлялся разнообразием участвовавших в ней собак. Было там немало ублюдков, но встречались также и чистокровные собаки — между прочим, несколько русских волкодавов, стоивших, наверно, уйму денег.

Гилтон Пенруф, старший из братьев и «начальник» местной охоты, необычайно гордился ими и ожидал от них великих подвигов.

— Борзые слишком изнежены для волчьей охоты, доги медленно бегают, но увидите, полетят клочья, когда за дело возьмутся волкодавы.

Таким образом, борзые предназначались для гона, доги — для резерва, а волкодавы — для генерального сражения. Кроме того, в свору включили двух-трех гончих, которые должны были своим тонким чутьем выслеживать зверя, если остальные потеряют его из виду.

Славное было зрелище, когда мы двинулись в путь между холмами в ясный октябрьский день! Воздух был прозрачен и чист, и, несмотря на позднее время года, не было ни снега, ни мороза. Кони охотников слегка горячились и раза два попробовали показать мне, каким образом они избавляются от своих седоков.

Мы заметили на равнине два-три серых пятна, которые были, по словам Гилтона, волками или койотами. Свора понеслась с громким лаем. Но поймать им никого не удалось, хотя они носились до самого вечера. Только одна из борзых догнала волка и, получив рану в плечо, отстала.

— Мне кажется, Гилт, что от твоих хваленых волкодавов нет никакого толку, — сказал Гарвин, младший из братьев. — Маленький черный дог куда лучше, хоть он и простой ублюдок.

— Ничего не пойму! — проворчал Гилтон. — Даже койотам никогда не удавалось уйти от этих борзых, не то что волкам. Гончие также превосходные — пойдут хоть по трехдневному следу. А доги могут справиться даже с медведем.

— Не спорю, — сказал их отец, — твои собаки могут гнать, могут выслеживать и могут справиться с медведем, но дело в том, что им неохота связываться с волком. Вся

окаянная свора попросту трусит. Я много бы дал, чтобы вернуть уплаченные за них деньги.

Так они ссорились и ворчали, когда я распростился с ними и уехал дальше. По-видимому, неудача объяснялась тем, что собаки, хотя и были сильны и быстроноги, но вид волка, очевидно, наводил на них ужас. У них не хватало духа помериться с ним силами, и невольно воображение переносило меня к бесстрашному песику, разделявшему мою постель в течение последнего года. Как мне хотелось, чтобы он был здесь! Неуклюжие гиганты получили бы вожака, которого никогда не покидает смелость.

На следующей моей остановке, в Бароке, я получил письма, среди которых нашлись два послания от моей хозяйки: первое – с заявлением, что «эта мерзкая собака безобразничает в моей комнате», другое, еще более пылкое, – с требованием немедленного удаления Снапа.

«Почему бы не выписать его в Мендозу? – подумал я. – Всего двадцать часов пути. Пенруфы будут рады моему Снапу. А на обратном пути я заеду за ним».

III

Следующая моя встреча с Джинджерснапом вовсе не настолько отличалась от первой, как можно было ожидать. Он бросился на меня, притворялся, что хочет укусить, непрерывно ворчал. Но ворчание было грудное, басистое, а обрубок хвоста усиленно подергивался.

Пенруфы несколько раз затевали волчью охоту, с тех пор как я побывал у них, и были вне себя от неизменных неудач. Собаки почти каждый раз поднимали волка, но никак не могли покончить с ним; охотники же ни разу не находились достаточно близко, чтобы узнать, почему они трусят.

Старый Пенруф был теперь вполне убежден, что «во всем негодном сброде нет ни одной собаки похрабрее кролика».

На следующий день мы вышли на заре. Те же превосходные лошади, те же отличные ездоки, те же большие сизые, рыжие и пестрые собаки. Но, кроме того, с нами была маленькая белая собачка, все время льнувшая ко мне и знакомившая со своими зубами не только собак, но и лошадей, когда они осмеливались ко мне приблизиться. Кажется, Снап перессорился с каждым человеком, собакой и лошадью по соседству. Мы остановились на плоской вер-

шине большого холма. Вдруг Гилтон, осматривавший окрестности в бинокль, воскликнул:

— Вижу его! Вот он бежит к ручью, Скелл. Должно быть, это койот.

Теперь надо было заставить и борзых увидеть добычу. Это нелегкое дело, так как они не могут смотреть в бинокль, а равнина была покрыта полынью выше собачьего роста.

Тогда Гилтон позвал: «Сюда, Да́ндер!» — и выставил ногу вперед. Одним проворным прыжком Дандер взлетел на седло и стал там, балансируя на лошади, между тем как Гилтон настойчиво показывал ему:

— Вон он, Дандер, смотри! Куси, куси его, там, там!

Дандер усиленно всмотрелся в точку, указываемую хозяином, затем, должно быть, увидел что-то, ибо с легким тявканьем соскочил на землю и бросился бежать. Другие собаки последовали за ним. Мы поспешили им вслед, однако значительно отставая, так как наш путь затрудняли овраги, барсучьи норы, камни и высокая полынь. Слишком быстрая скачка могла окончиться печально.

Итак, мы все отстали; я же, человек, непривычный к седлу, отстал больше всех. Время от времени впереди мелькали собаки, то мчавшиеся по равнине, то слетавшие в овраг, с тем чтобы немедленно появиться на другом его склоне. Признанным вожаком был борзой пес Дандер, и, взобравшись на следующий гребень, мы увидели всю картину охоты: койот, летящий вскачь, и собаки, бегущие в четверти мили позади, но, видимо, настигавшие его. Когда мы в следующий раз увидели их, койот был бездыханен и все собаки сидели вокруг него, исключая двух гончих и Джинджерснапа.

— Опоздали к драке! — заметил Гилтон, взглянув на отставших гончих. Затем с гордостью потрепал Дандера: — Все-таки, как видите, не потребовалось вашего щенка!

— Скажи пожалуйста, какая смелость: десять больших собак напали на маленького койота! — насмешливо заметил отец. — Погоди, дай нам встретить волка!

На следующий день мы снова отправились на охоту.

Поднявшись на холм, мы увидели движущуюся серую точку. Движущаяся белая точка означает антилопу, красная — лисицу, а серая — волка или койота. Волк это или койот — определяют по хвосту. Опущенный хвост принадлежит койоту, поднятый кверху — ненавистному волку.

Как и вчера, Дандеру показали добычу, и он, как и вчера, повел за собой пеструю стаю – борзых, волкодавов, гончих, догов, бультерьера и всадников. На миг мы увидели погоню: без сомнения, впереди собак длинными прыжками двигался волк. Почему-то мне показалось, что передние собаки бегут не так быстро, как тогда, когда они гнались за койотом. Что было дальше, никто не видел. Собаки вернулись обратно одна за другой, а волк исчез.

Теперь на собак посыпались насмешки и попреки.

– Эх! Струсили, попросту струсили! – с отвращением проговорил старик Пенруф. – Свободно могли нагнать его, но чуть только он повернул на них, они удрали. Тьфу!

– А где же несравненный, неустрашимый и героический терьер? – спросил Гилтон презрительно.

– Не знаю, – сказал я. – Вероятнее всего, он и не видел волка. Но если когда-нибудь увидит – бьюсь об заклад, он изберет победу или смерть.

В эту ночь вблизи фермы волки зарезали нескольких коров, и мы еще раз отправились на охоту.

Началась она приблизительно так же, как накануне. Уже к вечеру мы увидели серого молодца с поднятым хвостом не дальше как в полумиле. Гилтон посадил Дандера на седло. Я последовал его примеру и подозвал Снапа. Его лапки были так коротки, что вспрыгнуть на спину лошади он не мог. Наконец он вскарабкался с помощью моей ноги. Я показывал ему волка и повторял: «Куси, куси!» – до тех пор, пока он в конце концов не приметил зверя и не бросился со всех ног вдогонку за уже бежавшими борзыми.

Погоня шла на этот раз не через заросли кустарника в речной долине, а по открытой местности. Мы поднялись все вместе на плоскогорье и увидели погоню как раз в ту минуту, когда Дандер настиг волка и попытался ухватить его за заднюю лапу. Серый повернулся к нему для боя, и мы отлично видели все дальнейшее. Собаки подбегали по две и по три, окружая волка кольцом, лаяли на него, пока не налетел последним белый песик. Этот не стал тратить времени на лай, а ринулся прямо к горлу волка, но промахнулся и успел только вцепиться ему в нос. Тогда десять больших собак сомкнулись над волком, и две минуты спустя он был мертв. Мы мчались вскачь, чтобы не упустить развязки, и хоть издали, но явственно рассмотрели, что Снап оправдал мою рекомендацию и хвалебную телеграмму.

Теперь настал мой черед торжествовать. Снап показал

им, как ловят волков, и наконец-то мендозская свора доконала волка без помощи людей.

Впрочем, два обстоятельства несколько омрачали радость победы. Во-первых, это был молодой волк, почти волчонок. Вот почему он сдуру бросился бежать по равнине. А во-вторых, Снап был ранен – волк сильно задел ему плечо.

Когда мы гордо двинулись в обратный путь, я заметил, что он прихрамывает.

– Сюда! – крикнул я. – Сюда, Снап!

Он раза два попытался вскочить на седло, но не мог.

– Дайте мне его сюда, Гилтон, – попросил я.

– Благодарю покорно. Можете сами возиться со своей гремучей змеей, – ответил Гилтон, так как всем теперь было известно, что связываться со Снапом небезопасно.

– Сюда, Снап, бери! – сказал я, протягивая ему хлыст.

Он ухватился за него зубами, и таким образом я поднял его на седло и доставил домой. Я ухаживал за ним, как за ребенком. Он показал этим скотоводам, кого не хватало в их своре. У гончих прекрасные носы, у борзых быстрые ноги, волкодавы и доги – силачи, но все они ничего не стоят, потому что беззаветное мужество есть только у бультерьера. В этот день скотоводы разрешили волчий вопрос, в чем вы легко убедитесь, если побываете в Мендозе, ибо в каждой из местных свор теперь имеется свой бультерьер, по большей части снапомендозской крови.

IV

На следующий день была годовщина появления у меня Снапа. Погода стояла ясная, солнечная. Снега еще не было. Мы снова собрались на волчью охоту. К всеобщему разочарованию, Снап чувствовал себя плохо. Он спал, по обыкновению, у меня в ногах, и на одеяле остались следы крови. Он, конечно, не мог участвовать в травле. Решили отправиться без него. Его заманили в амбар и заперли там. Затем мы отправились в путь, но меня мучило предчувствие недоброго. Я знал, что без моей собаки мы потерпим неудачу, но не воображал, как она будет велика.

Мы забрались уже далеко, блуждая среди холмов, как вдруг, мелькая в полыни, примчался за нами вдогонку белый мячик. Минуту спустя к моей лошади подбежал Снап, ворча и помахивая обрубком хвоста. Я не мог отправить его обратно, так как он ни за что не послушался бы.

Рана его имела скверный вид. Подозвав его, я протянул ему хлыст и поднял на седло. «Здесь,— подумал я,— ты просидишь до возвращения домой». Но не тут-то было. Крик Гилтона «ату, ату!» известил нас, что он увидел волка. Дандер и Райл, его соперник, оба бросились вперед, столкнулись и вместе растянулись на земле. Между тем Снап, зорко приглядываясь, высмотрел волка, и не успел я оглянуться, как он уже соскочил с седла и понесся зигзагами – вверх, вниз – через [illegible], под полынью прямо на врага. В течение нескольких минут он вел за собой всю свору. Недолго, конечно. Большие борзые увидели движущуюся точку, и по равнине вытянулась длинная цепь собак. Травля обещала быть интересной, так как волк был [illegible] недалеко и все собаки мчались во всю прыть.

— Они свернули в Медвежий овраг! — крикнул Гарвин.— За мной! Мы можем выйти им наперерез!

И мы, повернув, быстро [illegible] по [illegible] северному склону холма, в то время как погоня, [illegible], двигалась вдоль южного склона.

Мы поднялись на гребень [illegible] уже спуститься, когда Гилтон крикнул:

— Он здесь! Мы наткнулись прямо на него.

Гилтон соскочил с лошади, бросил поводья и [illegible] вперед. Я сделал то же. Навстречу нам по открытой [illegible] переваливаясь, несся большой волк. Голова его была [illegible], хвост вытянут по прямой линии, а в пяти[illegible] за ним мчался Дандер, вдвое быстрее, чем волк. Минуту спустя борзой пес настиг его и уже оскалил зубы, но [illegible]тился, как только волк повернулся к нему. Они [illegible] теперь как раз под нами, [illegible]. Гарвин выхватил револьвер, но Гилтон [illegible] остановил его:

— Нет, нет! Посмотрим, что будет.

Через мгновение примчалась вторая борзая, затем одна за другой и остальные собаки. Каждая неслась, [illegible]

яростью и жаждой крови, готовая тут же разорвать серого на части. Но каждая поочередно отступала и принималась полаять на безопасном расстоянии. Минуты две спустя подоспели и волкодавы [illegible] Приближаясь, они, без сомнения, желали ринуться прямо на старого волка. Но бесстрашный его вид [illegible] смертоносные челюсти устрашили их [illegible] и они также [illegible] серый разбойник поворачивал [illegible] в другую, готовый сразиться с [illegible] вместе.

В [illegible] весь как волк. [illegible]

лают, чтобы подбодрить себя.

В то время как [illegible]

[illegible] собак он бросился напролом к старому деспоту холмов, готовясь схватить его за горло. И [illegible] ударил его [illegible] лами. Однако [illegible] бросился на него вторично, и что произошло тогда [illegible] чувствовалось, что [illegible] в нос волка, на которого [illegible] могли помочь собакам, [illegible] был вожак несокрушимой силы [illegible] У них закончилось, перед нами на [illegible] лежал волк — могучий гигант — и вцепившаяся в его [illegible] собака.

Мы стояли вокруг, готовые вмешаться, но лишенные возможности это сделать. Наконец все было кончено: волк был мертв. Я окликнул Снапа, но он не двинулся. Я наклонился к нему.

— Снап. Снап, все кончено, ты убил его! — Но песик был неподвижен. Теперь только увидел я две глубокие раны на его теле. Я попытался приподнять его: — Пусти, старина, все кончено!

Он слабо заворчал и отпустил волка.

Грубые скотоводы стояли вокруг него на коленях, и старый Пенруф пробормотал дрогнувшим голосом:

— Лучше бы у меня пропало двадцать быков!

Я взял Снапа на руки, назвал его по имени и погладил по голове. Он слегка заворчал, как видно, на прощание, лизнул мне руку и умолк навсегда.

Печально возвращались мы домой. С нами была шкура чудовищного волка, но она не могла нас утешить. Мы похоронили неустрашимого Снапа на холме за фермой. Я слышал при этом, как стоящий рядом Пенруф пробормотал:

— Вот это действительно храбрец! Без храбрости в нашем деле далеко не уйдешь.

ТИТО

I

Если бы не маленький камешек, мой рассказ [illegible] не был бы написан.

Этот камешек лежал на дороге в дакотских Бэдлендах, и в одну жаркую темную ночь вонзился в копыто лошади, на которой ехал пьяный пастух Джек. Пастух по привычке соскочил на землю, чтобы посмотреть, почему захромала лошадь. Спьяну он выпустил поводья из рук, и лошадь умчалась в темноту. Пастух Джек понял, что лошади [illegible] не догнать, улегся под кустом и захрапел.

Золотые лучи утреннего летнего солнца озарили вершины изумительных бэдлендских холмов. По дороге, идущей вдоль Верхнего ручья, пробиралась старая самка койота. В зубах она несла кролика на завтрак для своих детенышей.

С давних пор скотоводы этой местности вели ожесточенную войну с койотами. Капканы, ружья, яд и собаки почти совсем уничтожили койотов, а те немногие, что остались в живых, научились остерегаться на каждом шагу.

Поэтому старая самка [illegible] скоро свернула с проезжей дороги: все места, где ступала нога человека, грозили ей гибелью. Она прошла вдоль гребня невысокого холма, потом спустилась в ложбину, поросшую [illegible], [illegible] внюхалась там в выветрившиеся уже [illegible] человеческих следов и поднялась на соседний холм. Здесь, на солнечном склоне было ее логово. Она [illegible] сделала несколько прыжков в разные стороны, [illegible] носом воздух. Запахов, грозивших опасностью, [illegible]. Успокоенная, она приблизилась к входу [illegible] и тихо фыркнула.

Из-за куста полыни, заслонявшего вход, выскочила [illegible] куча маленьких койотов, [illegible] через друга. Отрывисто тявкая и повизгивая, [illegible] на завтрак, принесенный матерью. Они [illegible] со, вырывая его друг у друга, а мать [illegible] на них и радовалась.

Пастух Джек проснулся на восходе солнца и успел заметить самку койота в минуту, когда она перебиралась через холм. Как только она исчезла из виду, он вскочил на ноги,

дошел до вершины холма и увидел оттуда всю веселую семью.

Пастух Джек смотрел и думал только о том, что за каждого убитого койота можно получить хорошую награду. Поэтому он тут же вытащил свой большой револьвер и прицелился в мать, которая облизывала наевшегося детеныша. Грянул выстрел, и она упала мертвая.

Детеныши в ужасе попрятались в логово, а Джек завалил вход камнями и, проклиная свою хитрую лошадь, пошел пешком к ближайшему ранчо, а маленькие пленники, дрожа, забились в дальние углы.

Весь день они просидели в темной норе, удивляясь, почему мать не приходит кормить их. Уже под вечер они услышали шум у входа, и в норе опять стало светло. Самые неосторожные побежали навстречу матери, но это была не она. Два каких-то чудовища разрывали вход в их жилье.

Примерно через час люди добрались до конца логова и тут, в самом дальнем углу, нашли мохнатых, светлоглазых детенышей, сбившихся в один пушистый комок. Сильными ударами лопаты приканчивали они беспомощных и дрожавших от ужаса зверьков и одного за другим кидали в мешок.

Каждый звереныш вел себя перед смертью по-своему. Когда их хватали, одни визжали, а другие рычали. Двое попробовали даже кусаться.

Тот, кто первым понял опасность, спрятался первым, и очередь до него дошла, только когда остальные уже были безжалостно убиты. Он лежал совсем тихо, с полузакрытыми глазами, притворяясь мертвым. Он не шевельнулся, даже когда его коснулась грубая рука. Но тут Джек подумал, что может выслужиться перед хозяином, и сказал:

— Знаешь, оставим этого для ребятишек.

Итак, последний детеныш живым попал в мешок, где лежали его мертвые братья. Даже в мешке он не ворочался и не визжал.

После долгой тряски мешок открыли, зверька вытащили, и он очутился перед целой толпой двуногих чудовищ.

На самом деле это были обитатели ранчо Чимни-Пот. Среди них были и дети, которым Джек тут же вручил живой подарок. Правда, хозяин заплатил ему доллар, полагавшийся за каждого убитого койота.

Мексиканец, который был в это время на ранчо, объяснил детям, что это «койотито» — маленький койот, степной волк.

Звереныша стали звать Койотито, а потом для краткости просто Тито.

II

Оказалось, что это самка. Она [illegible] ким зверьком с пушистой [illegible] вой. С виду она [illegible] не [illegible]

Тито ела все, что ей давали, но ни с кем не дружила и никогда не [illegible] дала молча, а иногда прикидывалась мертвой.

Среди детей [illegible] Линкольн. [illegible] был беспощаден и жесток.

Подобно [illegible] в руки. [illegible] жертва скоро поняла, что спасение [illegible] только в конуре, а если опоздаешь, — [illegible] земле. Таким образом Линкольн, сам того не подозревая, обучил Тито опасностям лассо и средствам избегать роковой петли, хотя за это учение она платила дорогой ценой.

Когда Тито настолько наловчилась, что поймать ее стало невозможно, [illegible] новое развлечение. Он [illegible] Тито, [illegible]

одной ногой попала в капкан. Мальчик наблюдал за нею из укромного местечка. Он накинул на Тито свое лассо и с помощью младшего брата, своего способного ученика, высвободил ее из капкана, прежде чем старшие открыли его проделку.

Два-три подобных опыта внушили Тито смертельный страх перед капканами. Она скоро научилась узнавать запах стали и избегала капканов, несмотря на то что Линкольн чрезвычайно искусно закапывал их в землю, а младший братишка держал свою курточку перед конурой, чтобы жертва не подглядывала за ним.

Однажды цепь оторвалась от стенки конуры, и Тито попыталась бежать. Нерешительными шагами вышла она из своей конуры, волоча за собой цепь. Но один из пастухов увидел Тито и выстрелил в нее мелкой дробью. Ожог и нежданная боль заставили ее сейчас же вернуться в единственное убежище — конуру.

Цепь снова крепко прибили к стенке. Теперь Тито знала, что следует бояться не только капканов, но и ружей, а спасение от них одно — затаиться.

Скоро она узнала, что есть и другие опасности.

Линкольн не раз слыхал от взрослых, что койотов часто уничтожают отравой. Ему пришло в голову проделать опыт над Тито.

Добыть стрихнин[1] было трудно — взрослые его слишком тщательно прятали. И вот Линкольн достал крысиной отравы и дал ее Тито в куске мяса. Стоя у конуры, он ждал, чем кончится его опыт, не менее спокойно, чем профессор химии, исследующий новое вещество.

Тито понюхала мясо. Всякую вещь необходимо прежде всего проверить носом. Носу пища показалась подозрительной — он различал в ней три запаха: приятный аромат мяса, неприятный, но знакомый запах человеческих рук и еще какой-то незнакомый. Так как это незнакомое не пахло капканом, Тито решила съесть мясо. Но через несколько минут после того как она проглотила кусок, у нее сильно заболел живот, а потом с ней сделались судороги. Повинуясь ин-

[1] Стрихнин — сильный яд, которым пользовались для истребления хищных животных.

стинкту, общему для всех волков, она заставила себя отрыгнуть отравленное мясо.

После этого она с жадностью проглотила несколько стебельков какой-то травы. Не прошло и часа, как она совсем поправилась. Линкольн закатил ей такую дозу яда, которая могла бы убить десяток волков. Если бы он дал ей меньше, она, вероятно, почувствовала бы боль в желудке слишком поздно и не успела бы отрыгнуть отраву. С того времени Тито навсегда запомнила особенный запах крысиной отравы, от которой бывает так больно.

Кроме того, Тито научилась пользоваться травами — целебным средством, которое природа почти повсюду заготовила для нее. С тех пор, как только она чувствовала боль, она бросалась искать траву. И когда Линкольн ухитрился-таки еще раз подсунуть ей отравленную приманку – с небольшой дозой яда, – она уже знала, что ей делать, и спаслась.

Спустя некоторое время один родственник прислал в подарок Линкольну бультерьера. Собака доставила много радости Линкольну и много горя койоту. Мальчик постоянно натравливал на Тито свирепого бультерьера. Тито еще тверже запомнила, что в случае опасности лучше всего тихо и скромно лежать на земле. В конце концов вмешались взрослые, и бультерьера больше не допускали во двор, где жила Тито.

Но не думайте, что Тито всегда была тиха и скромна. Она научилась кусаться. Она охотилась на кур, бродивших по двору. Притворяясь спящей, она незаметно следила за ними и, когда они подходили к самой конуре, внезапно набрасывалась на них, хватала самую неосторожную курицу.

В довершение всего она раздражала людей своим пением: пела она по утрам и по вечерам.

За эту страсть ее много раз били. И едва хлопала дверь и форточка, Тито переставала петь и удирала в конуру. Она знала, что вслед за стуком в нее полетит палка, или камень, или заряд мелкой дроби. С каждым днем все больше рос ее ужас перед людьми и ружьями.

Почему она любила петь, никому не из-

вестно. Песня ее состояла из отрывистого лая и жалобных воплей. Все собаки немедленно отвечали на ее пение, а однажды даже дикий койот отозвался из-за далеких холмов. Обычно Тито пела в сумерках и на заре, но иногда и в полдень она заливалась воем, заслышав какой-нибудь внезапный шум.

В самой глубине своей конуры Тито запрятала маленькую кучку костей, а перед конурой зарыла в землю несколько кусков мяса. Это были запасы на случай голодовки. Она прекрасно помнила, где лежат ее сокровища.

Если она замечала, что люди узнавали, где зарыты ее запасы, она при первой возможности зарывала их в другое место.

Прошел год, с тех пор как Тито попала в неволю. За это время она совсем выросла и приобрела много опыта, за который ее дикие сородичи нередко расплачивались жизнью. Тито познакомилась с капканами и ружьями и научилась бояться их. Она навсегда запомнила, как пахнет ядовитая приманка и что надо делать, если нечаянно проглотишь отравленное мясо. Она поняла, что ее вечерние и утренние песни должны быть как можно короче. Она научилась ненавидеть и бояться собак. А тверже всего она запомнила правило: когда опасность близка, приникни к земле, ничего не делай и не шевелись, чтобы тебя не заметили.

Тито была уже взрослой, когда хозяин ранчо купил двух чистокровных борзых. Он думал с их помощью истребить последних койотов, которые иногда еще нападали среди холмов на овец и телят.

Тито ему надоела, и он решил использовать ее, чтобы обучить борзых охоте на койотов. Ее засунули в мешок, увезли за четверть мили от дома, затем вытряхнули на землю и сейчас же спустили на нее борзых. Они помчались с той быстротой, на которую не способно ни одно другое четвероногое. Тито тоже бежала со всех ног, напуганная криками и даже тем, что очутилась на свободе. Четверть мили, отделявшая ее от собак, скоро сократилась до ста ярдов, затем до пятидесяти. Спасения для Тито не было. Через минуту собаки должны были настичь ее и разорвать. Но вдруг Тито остановилась, повернула и пошла навстречу собакам, приветливо помахивая хвостом.

Борзые – совсем особенные собаки. Они готовы догнать и растерзать всякого, кто бежит от них. Но тот, кто не убегает, а спокойно глядит им в глаза, сразу перестает быть для них врагом.

Так случилось и теперь. Разогнавшиеся борзые промчались мимо Тито, но сейчас же вернулись, смущенные. Охотники тоже были смущены. Маленькая смелая самка койота оказалась хитрее всех.

Борзые отказывались нападать на зверя, который вилял хвостом и не желал бежать, но люди вскоре сообразили, что койот и шагом, того гляди, уйдет на безопасное расстояние. В воздухе взвилось лассо, и Тито вновь оказалась в плену.

На другой день было решено повторить опыт, но на этот раз к борзым присоединили свирепого бультерьера. Как и накануне, Тито смутила борзых своей хитрой уловкой. Но подоспевший три минуты спустя запыхавшийся бультерьер не был так вежлив. Он ловко схватил Тито за шею, покрытую густой шерстью, и стал трясти изо всех сил. Через несколько мгновений Тито неподвижно лежала на земле. Люди схватили храброго бультерьера, а борзые в это время шныряли кругом, растерянные и недоумевающие.

Один англичанин, приехавший поглядеть, как травят койота, попросил позволения взять себе на память хвост зверя. Ему разрешили. Он поднял Тито за хвост и ударом ножа отрубил половину. Тито упала наземь с пронзительным визгом и кинулась бежать. Оказалось, что она все время только притворялась мертвой. Обезумев от боли, она помчалась во всю прыть через заросли кактуса и полыни.

Для борзых убегающее животное – враг, которого нужно во что бы то ни стало настичь. Тонконогие борзые и белогрудый бультерьер бросились в погоню. Но, к счастью, дорогу собакам перебежал кролик. Потеряв Тито из виду, борзые кинулись за кроликом, который скоро исчез в норе суслика. Тито тем временем ушла на безопасное расстояние.

Она чувствовала себя прекрасно, хотя обрубок хвоста все еще сильно болел. Она быстро бежала вперед, скрываясь в кустах и в ложбинах, пока не нашла надежное убежище среди холмов.

III

У каждого дикого животного есть три источника познания. Первый источник — это опыт предков, инстинкт, переданный ему по наследству. Этот опыт накопился у целого ряда поколений за долгие века борьбы с опасностями. Он особенно важен в начале жизни, так как хранит животное с часа рождения. Второй источник познания — опыт родителей и других взрослых животных той же породы. Он передается примером и играет наиболее важную роль в первый год жизни. Третий источник — собственный опыт, становящийся с возрастом все более важным.

Наследственный инстинкт не всегда помогает животному, так как он недостаточно изменчив и подвижен, а условия жизни постоянно меняются. Слабость второго заключается в том, что животные не способны излагать свои мысли с помощью языка. А третий источник знаний плох тем, что личный опыт всегда приобретается слишком опасным путем. Но все три вместе — достаточно надежная защита.

Тито училась жизни не так, как ее сородичи. Собственного опыта она приобрела гораздо больше, чем другие молодые койоты, но зато она никогда не видела примера старших, а наследственные инстинкты в ней еще не пробудились.

Тито бежала и бежала. Иногда присаживаясь, чтобы облизать окровавленный обрубок хвоста. Наконец наткнулась на поселок сусликов. Множество сусликов сидело у своих нор и глядело на непрошеную гостью, но все они мигом исчезли, едва только Тито приблизилась к ним. Напрасно металась она из стороны в сторону, повинуясь охотничьему инстинкту.

Тито так и осталась бы голодной, если бы ей не удалось поймать в траве на речном берегу двух полевых мышей. Но через несколько дней Тито уже знала, как добывать еду. Мышей, кроликов, сусликов, ящериц кругом было много.

С каждым днем Тито охотилась все хитрее и удачнее. Раза два видела она за это время людей с собаками. Всякий дикий койот начал бы на ее месте вызывающе лаять или взобрался бы на холм, чтобы оттуда следить за врагами. Но Тито понимала, что это глупо и опасно. Она только ложилась на землю и замирала. Если бы она бросилась бежать, она неминуемо привлекла бы внимание собак. Так

опыт, который она приобрела на ранчо, спасал ее от смертельной опасности.

Койоты славятся быстротой бега. Койот не верит, что на свете есть животное, которое может догнать его, — он обыкновенно только играет со своими преследователями. Но когда его преследуют борзые, эта игра кончается плохо для койота. Он слишком поздно соображает, что ему нужно бежать от этого врага всерьез.

Тито выросла на цепи и совсем не умела бегать. Поэтому у нее не было основания доверять своим ногам. Она жила, полагаясь только на свой ум, и это было для нее спасением.

В течение всего лета Тито оставалась у реки Литл-Миссури. Она продолжала учиться охотничьим хитростям и уловкам. Если бы она выросла на воле, она изучила бы эти приемы еще до того, как у нее выпали молочные зубы.

Она старалась держаться как можно дальше от жилья и пряталась, как только чуяла запах человека или незнакомого животного.

Тито провела лето в полном одиночестве. Днем она не чувствовала себя одинокой, но, когда солнце заходило, ее охватывало непреодолимое желание петь.

Песню свою выдумала не она сама. С незапамятных времен все койоты выражали свои чувства в этих диких звуках, в которых чувствуешь и самого койота и прерии, его породившие. Когда один койот начинает петь, это действует на остальных, как звук трубы или барабана на солдат или воинственный клич на индейцев. Всякий койот, где бы он ни вырос, отвечает на ночную песню. Они поют ее после заката солнца и при восходе месяца. Но самую громкую и жуткую песню они поют на рассвете:

«У-я-яяя-оо-оо-о-у...»

Опять и опять повторяется этот дикий напев. Человеку он кажется однообразным только потому, что он не может различить отдельные звуки, точно так же как койот не различает слов в песне пастуха.

Тито по врожденной привычке пела эти песни в положенное время. Но печальный опыт научил ее петь коротко и глухо. Несколько раз она слышала далекий ответ своих сородичей, но сейчас же смущенно замолкала и быстро переселялась в другое место.

Однажды, бродя вдоль берегов Верхнего ручья, она натknулась на след: очевидно, здесь волокли мясо. Запах был необыкновенно привлекателен, и она пошла по следу. Веко-

ре Тито нашла кусок мяса. Она была голодна – теперь ее почти всегда мучил голод. Искушение было велико, и, несмотря на то что запах был совсем особенный, она проглотила мясо. Через несколько минут она почувствовала ужасную боль. Воспоминание об отравленном куске, который ей подсунул мальчик на ранчо, было еще свежо. Дрожащими, покрытыми пеной челюстями она схватила несколько стебельков травы и, изрыгнув отравленное мясо, упала в судорогах на землю.

Этот кусок мяса подбросил Джек. Все это проделал он накануне, а утром, проезжая по мосту через реку, издалека увидел бьющуюся в судорогах Тито. Он сейчас же догадался, что яд подействовал, и быстро подъехал к своей жертве. При стуке лошадиных копыт страшным усилием воли Тито вскочила на ноги. Джек схватил револьвер и выстрелил, но только напугал ее. Тито попробовала бежать, но ее задние ноги отнялись. Она собрала все свои силы и кинулась вперед, волоча обе задние ноги.

Если бы она осталась неподвижной, она умерла бы через несколько минут. Но выстрелы и приближение человека внушили ей отчаянную решимость. Она продолжала бороться с собственным бессилием. Омертвевшие нервы ее ног напряглись от этих усилий и должны были уступить воле. Каждый выстрел из револьвера придавал Тито все больше и больше энергии. Новое дикое усилие – и одна нога стала слушаться. Еще несколько мгновений – ожила и другая. И Тито легко понеслась между обрывистыми холмами, не обращая внимания на ужасную боль, все еще сводившую ее внутренности.

Если бы Джек на этом прекратил преследование, она бы, наверно, все-таки легла на землю и тогда бы неминуемо умерла. Но он скакал вслед за ней и посылал ей вдогонку выстрел за выстрелом, пока наконец на второй миле Тито не перестала чувствовать боль. Враг принудил ее прибегнуть к единственному действенному средству – к сверхъестественному напряжению сил, которое заставило ожить отнявшиеся ноги. Так Джек спас Тито.

Новые сведения, которые Тито почерпнула из приключений этого дня, сводились к следующему: странный запах этого мяса влечет за собой смертельные муки. Она никогда не забывала этого и с тех пор всегда узнавала стрихнин.

К счастью, когда охотятся с капканами или отравой, не пускают в дело собак, ибо собаки сами могут попасть в капканы или отравиться стрихнином. Если бы в преследовании

Тито участвовала хоть одна собака, наша история была бы окончена.

IV

С приближением осенних холодов Тито сделала большие успехи. Теперь она всеми своими привычками походила на обыкновенного дикого койота и смелее пела свою вечернюю песню.

Однажды лунной ночью, услышав ответ, она против обыкновения отозвалась на голос своего сородича и скоро увидела крупного темного койота. Он осторожно двигался к Тито. Грива Тито поднялась дыбом. Она приникла к земле и стала выжидать. Незнакомец решительно приближался. Втягивая носом воздух, он направлялся прямо по ветру к ней. Затем он обошел вокруг нее так, чтобы и она могла почуять его запах, и приветливо замахал хвостом. Такое поведение было явным выражением дружбы. Тито поднялась, помахала обрубком своего хвоста, знакомство состоялось.

Пришелец оказался очень крупным койотом, почти вдвое больше Тито, а темная полоса на его спине была так широка и черна, что пастухи прозвали его Оседланным. С этого времени новые друзья стали держаться вместе. Это не значит, что они всегда были друг около друга. Нет, иногда в течение целого дня их разделяло несколько миль. Но с приближением ночи один из них всегда взбирался на какой-нибудь холм и запевал громко:

«Яп-яп-яп, йу-оу-ууу-ууу-ууу...»

После этого они встречались, чтобы предпринять какой-нибудь грабительский набег.

Оседланный был сильнее Тито, но она была образованнее и умнее и скоро сделалась вожаком; не прошло и месяца, как сначала один койот, а потом еще два присоединились к ним и стали членами этого свободного союза.

Маленькая, куцая самка койота обладала редкими знаниями, которых недоставало другим койотам. Тито знала, как бороться с хитростями людей. Скоро койотам стало ясно, что ее способ охотиться был наиболее успешным, потому что, когда они шли без нее, им большей частью не везло.

У одного соседнего скотовода было двадцать овец. Стадо стерегла громадная свирепая собака. Однажды зимой два койота попробовали напасть на это стадо в открытую, но дело кончилось тем, что овчарка потрепала их.

Несколько дней спустя туда в сумерках явилась вся стая. Никому не известно в точности, как Тито устроила то, что случилось. Ясно только, что она была зачинщиком и руководителем. Койоты спрятались в ивняке, а Оседланный, храбрый и быстрый, пошел прямо на овец и громко залаял, вызывая врага на поединок. Овчарка прыгнула вперед со свирепым рычанием и, увидя врага, кинулась на него.

Оседланный то подпускал к себе собаку так близко, что она почти могла схватить его, то снова отскакивал и таким образом завлекал ее далеко в лес. А в это время остальные койоты с Тито во главе разогнали стадо по двадцати направлениям и, преследуя овец поодиночке, растерзали несколько штук, бросили их на снегу.

В темноте собака и ее хозяин с трудом собрали уцелевших овец. На следующее утро они убедились, что четыре овцы из стада были загнаны далеко и убиты, а койоты устроили себе ночью роскошный пир.

Пастух посыпал мертвые тела ядом и оставил их лежать. На следующую ночь койоты вернулись. Тито понюхала замерзшие тела, различила запах яда, издала предостерегающее рычание и загрязнила трупы, чтобы никто из ее товарищей не прикоснулся к ним. Впрочем, один, наиболее жадный, не послушался Тито и набросился на мясо. Скоро вся стая удалилась, а он остался на снегу мертвый.

V

Джек слышал со всех сторон, что койоты совсем обнаглели. Он решил серьезно приняться за работу и постараться при помощи капканов и ядов уничтожить хотя бы тех из них, которые жили у Верхнего ручья. Каждую свободную минуту он отправлялся с собаками на розыски по берегу Литл-Миссури. Он провел в таких странствованиях целую зиму, и не без успеха: убил двух волков и нескольких койотов, принадлежавших к стае Куцей, так теперь называли Тито.

Зима эта ознаменовалась целым рядом набегов, даже подвигов со стороны койотов. Следы на снегу и показания очевидцев не оставляли сомнения, что вожаком стаи был маленький куцый койот.

Одно из этих нашествий возбудило много толков.

Однажды под вечер песня койота раздалась совсем близко от ранчо Чимпи-Пот. Собаки ответили обычным лаем, но бросился на койотов один только бультерьер, потому

что только он не был на цепи. Но он не нашел никого и, рыча, вернулся домой.

Через двадцать минут уже совсем близко снова раздался вой койота. Терьер опять бросился в темноту. Спустя минуту его возбужденный лай показал, что на этот раз он напал на след. Бешено лая, он летел вперед, пока голос его не потерялся вдали, чтобы умолкнуть навсегда.

Наутро люди прочитали на снегу историю ночи.

Первый раз койоты запели свою песню для того, чтобы узнать, все ли собаки спущены с цепи. И, узнав, что на воле была только одна, принялись за работу. Пять койотов притаились вдоль следа, который они оставили, идя на ферму, а один выступил вперед и завыл. Пылкий терьер выскочил на его голос, и койот увлек его в засаду. Что мог сделать он один против шести?

Койоты разорвали терьера на части и съели.

Это случилось как раз на том месте, где он когда-то напал на Тито. И когда на следующее утро люди разглядели следы, они убедились, что все было сделано по определенному плану и что зачинщиком и на этот раз был маленький короткохвостый койот.

Все были очень раздосадованы, Линкольн взбешен, а Джек сказал:

— Уж наверняка Куцая вернулась нарочно, чтобы посчитаться с терьером.

VI

К весне дружба Тито и Оседланного еще более окрепла. Койоты, конечно, не дают друг другу имен, как люди, и Тито и Оседланный никак не называли друг друга, но у них был особый звук вроде короткого лая, которым они всегда подзывали друг друга.

Свободный союз койотов теперь распался сам собой, так как весной вся стая разбилась на пары, и, кроме того, теперь появилось столько дичи, что незачем было охотиться стаей.

Обыкновенно койоты не спят в логовищах. Они всю ночь напролет бродят с места на место, а днем спят несколько часов на солнечном склоне какого-нибудь холма, откуда легко заметить приближение врага. Но с наступлением весны их образ жизни меняется.

Когда дни сделались теплее, Тито и Оседланный стали приготовлять логовище для своей будущей семьи. На скло-

не маленькой, залитой солнцем лощины они нашли заброшенную барсучью нору, вычистили, расширили и углубили ее. Набросав в нее кучу травы и листьев, они устроили из нее уютное жилище. Оно помещалось в сухом, солнечном уголке между холмами в полумиле к западу от Литл-Миссури.

Тито почти все время проводила близ своего нового дома. Оседланный обыкновенно приносил ей пищу, но иногда и сама она отправлялась на охоту в поселок сусликов. Это было то самое место, на которое Тито набрела в тот день, когда добыла себе свободу и потеряла хвост. Если бы она была способна предаваться воспоминаниям, то, конечно, посмеялась бы теперь над собой — так глупа была она тогда. Насколько хитрее и опаснее стала она за это время!

Один из сусликов вырыл себе норку в стороне от других. Норка у него была образцовая.

Как-то раз Тито увидела, что этот суслик щиплет траву шагах в десяти от своей норы. Поймать суслика, когда он один, конечно, гораздо легче, чем тогда, когда он находится в своем поселке, потому что у него ведь только одна пара глаз, чтобы наблюдать за всем окружающим, а в поселке глаз много. Тито решила воспользоваться случаем. Но как приступить к делу, не имея никакого укрытия, кроме чахлой травы?

Белый медведь знает, как приблизиться к тюленю на плоской льдине, а индеец умеет совсем вплотную подойти к пасущемуся оленю. Тито тоже понимала, как действовать, и начала приводить свой план в исполнение.

Суслик видит хорошо, только сидя на задних лапках; его глаза мало помогают ему, когда он уткнется в траву. Тито это знала. Желтовато-серое животное на желтовато-сером фоне песка и травы делается заметным только тогда, когда начинает двигаться. Тито знала и это.

Итак, не пытаясь даже особенно прятаться, она тихонько пошла по направлению к суслику, держась против ветра.

для того чтобы все время слышать запах суслика. Как только ее жертва двинулась вперед, держа что-то в передних лапках, Тито застыла на месте. Но едва только суслик снова уткнулся головой в траву, она решительно пошла вперед, наблюдая за каждым движением зверька, чтобы опять застыть на месте, когда суслик поднимет голову.

Раза два суслик тревожно оглядывался, но, не видя ничего, продолжал пощипывать траву. Расстояние между Тито и ее жертвой скоро сократилось до десяти, затем до пяти шагов, а суслик все еще ничего не замечал. Наконец Тито сделала быстрый прыжок и схватила неосторожного суслика своими острыми зубами.

VII

Далеко не все приключения Тито оканчивались так удачно. Однажды она чуть было не поймала маленькую антилопу, но на выручку детенышу явилась мать и копытом чуть не проломила хищнице голову. Тито никогда уже больше не повторяла этой ошибки — у нее пропала охота ловить антилоп.

Раза два ей пришлось стремительно прыгать в сторону, спасаясь от укуса гремучей змеи. Несколько раз охотники стреляли в нее из дальнобойных ружей. Но больше всего приходилось ей остерегаться волков. Волк много крупнее и сильнее койота, но зато койот быстрее бегает и всегда может спастись от волка в открытой местности. Гораздо опаснее встретиться с волком в каком-нибудь закоулке.

У Тито была странная привычка, иногда наблюдающаяся у волков и у койотов, — таскать во рту неизвестно зачем на протяжении многих миль всевозможные несъедобные вещи. Много раз бежала она трусцой милю или две, держа в зубах старый рог бизона или сапог для того лишь, чтобы бросить их, когда что-нибудь другое привлекало ее внимание.

Эта странная привычка послужила причиной гибели нескольких борзых из ранчо Чимни-Пот. Джек разложил день отравленных кусков мяса на западных холмах. Тито знала, что мясо отравлено, и не трогала его. Но однажды она подобрала два куска и направилась через Литл-Миссури к Чимни-Пот. Дом она обошла на почтительном расстоянии и, когда услышала собачий лай, бросила куски. На следующий день собак выпустили погулять. Они наткнулись на отравленное мясо и съели его. Через десять минут на земле

3*

лежало несколько мертвых борзых – на сумму в четыреста долларов. После этого был издан закон, запрещающий истреблять койотов отравой. И закон этот был очень полезен койотам.

Тито скоро поняла, что охота – даже на животных одной породы – требует каждый раз особых приемов. Суслик, живший далеко от своих сородичей, достался ей очень легко, но другие суслики жили совсем близко друг от друга. Посреди поселка жил аппетитный, толстый суслик, настоящий староста, и Тито несколько раз пыталась поймать его. Однажды она уже подкралась к нему на расстояние прыжка, но вдруг шипение гремучей змеи совсем рядом заставило ее отступить. Змею не то чтобы интересовала судьба суслика, но она просто не любила, чтобы ее тревожили. И Тито, боявшаяся змей, принуждена была бросить охоту. Открыто напасть на «старосту» было невозможно, так как расположение его дома превращало всех обитателей поселка в его сторожей. И Тито оставалось только ждать, пока обстоятельства не подскажут ей какой-нибудь план.

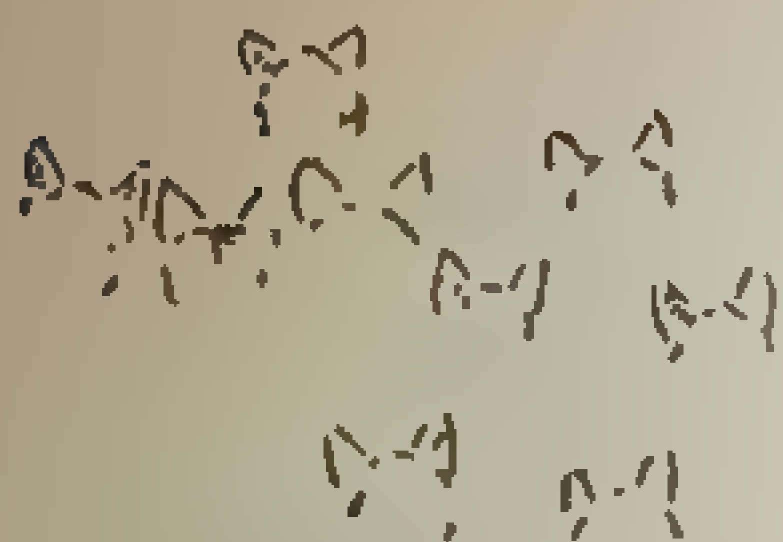
У койотов есть обыкновение наблюдать с возвышенного места за всеми, кто проезжает по дорогам, а потом спускаться и обнюхивать следы. То же проделывала и Тито.

Однажды от города по направлению к югу проехал фургон. Тито приникла к земле и стала наблюдать за ним. Вот что-то упало на дорогу. Когда фургон скрылся из виду, Тито прыгнула на дорогу, чтобы по привычке понюхать след и посмотреть, что упало. Собственно говоря, упало яблоко, но Тито увидела только непривлекательный круглый зеленый предмет вроде листа кактуса, правда, без игл и с другим запахом. Она понюхала его, покатила и хотела уже пройти мимо. Но солнце так весело играло на яблоке и оно так занятно катилось, когда она толкала его, что Тито подняла его и побрела обратно через холм, туда, где жили суслики. Как раз в это время два степных ястреба показались над поселком сусликов, и зверьки, завидя птиц, принялись лаять, подергивая хвостами, а потом попрятались в свои норки.

Когда все суслики скрылись, Тито направилась к жилищу «старосты», на которого она давно точила

зуб. Оставив яблоко в каких-нибудь двух футах от края ямы, служившей «старосте» норой, она уткнулась носом в отверстие, чтобы насладиться аппетитным запахом жирного суслика. Его нора пахла вкуснее, чем все другие. Нанюхавшись вдоволь, Тито спокойно улеглась за ближайшим кустом шагах в двадцати от норы. Спустя несколько секунд какой-то отважный суслик выглянул из своей норки и, ничего не замечая, успокоительно залаял. Один за другим все суслики появились на поверхности, и через двадцать минут жизнь в поселке кипела по-прежнему. Одним из последних вылез «староста», всегда чрезвычайно заботившийся о своей особе. Он осторожно осмотрелся и затем забрался на верхушку своей насыпи.

Нора суслика устроена наподобие воронки, идущей прямо в землю. Отверстие окружено высокой насыпью. Края насыпи с наружной стороны довольно пологи.

Когда «староста» увидел странную круглую штуку, лежащую около его порога, он испугался. Подробный осмотр убедил его, что штука эта не опасна и, по-видимому, довольно интересна. Он осторожно приблизился к яблоку, понюхал и попробовал укусить его. Но яблоко покатилось по гладкой и наклонной почве. Суслик последовал за ним, отщипнул кусочек и убедился, что перед ним редкое лакомство. Однако каждый раз, когда он кусал яблоко, оно откатывалось все дальше и дальше. Никакая опасность, казалось, не грозила «старосте»: все его товарищи были на поверхности земли, и он беспечно гнался за катящимся яблоком.

Яблоко, конечно, катилось к кусту в ложбинке. А за кустом притаилась Тито. Она съежилась, напрягла мускулистые ноги и ждала, пока расстояние между нею и сусликом не сократится до трех хороших прыжков. Тогда она, как стрела, пущенная с упругой тетивы, бросилась вперед, и жертва была наконец в ее власти.

Мы никогда не узнаем, случайно ли яблоко было оставлено перед норой суслика, или это было сделано с целью. Как бы то ни было, яблоко на этот раз очень пригодилось Тито. Если бы такой случай приключился еще раза два

с Тито или каким-нибудь другим умным койотом – а обыкновенно такие случаи выпадают на долю умных, – у койотов легко мог бы появиться новый, всеми признанный способ охотиться.

VIII

Пришла весна. Казалось, природа сказала себе: «Надо создать место, в котором соединялось бы все, что есть на земле чудесного, – рай для людей, животных и птиц», – и создала эти прекрасные дикие холмы, кипящие жизнью, где открытые прерии переплетаются с тенистыми рощами, а на солнце сверкают озера и ручьи. Здесь, в этой стране холмов, в этой стране вечно яркого неба и вечно яркой земли, природа щедро рассыпала дары, которые она в других местах распределяет скупо, как золото.

Маленькие ложбины на западе от холма Чимни покрылись свежей травой. Весна разукрасила землю пестрыми цветами. И даже кактус, самое убогое из растений, удивил мир прекрасным цветком, столь же мало похожим на него, как жемчужина на свою мать – раковину. В ложбинах и на холмах – везде благоухала весна. Наступал конец зимней голодовке, начиналось летнее раздолье. В это-то время природа повелевает маленьким койотам увидеть наконец свет.

Матери не нужно учиться любить своих беспомощных детей. В своей темноватой теплой берлоге Тито нянчила, лизала и ласкала своих детенышей.

Но любовь к детям так же велика, как и беспокойство за их жизнь. В прежнее время Тито должна была заботиться только о себе. Все, чему она научилась во время своего странного детства, все, что она узнала впоследствии, служило ей только для самосохранения. Теперь она забыла себя ради своих детей.

Главной ее заботой было сохранить свое убежище в тайне. Тито уходила и приходила с величайшей осторожностью и только после того, как внимательно исследовала местность.

Люди знали Тито только как существо с ужасной пастью, с ногами, не умеющими уставать, существо, одаренное необыкновенным коварством и всюду оставляющее за собой следы разрушения. А детеныши знали ее как любящую, нежную кормилицу и защитницу. Она кормила и отогревала их, сторожила их внимательно и умно. Она всегда была готова на отчаянную борьбу и всевозможные уловки.

для того чтобы защитить их в минуту опасности.

Новорожденный койот неуклюж, глуп и для каждого, кроме своей матери, довольно непривлекателен. Но когда глаза его раскроются, ноги окрепнут, когда он научится играть на солнышке со своими братьями и бежать сломя голову на нежный зов матери, принесшей пищу, маленький койот превращается в самое ловкое, самое прелестное существо на свете. И когда девять детенышей Тито подросли, не надо было и материнской нежности, чтобы с нежностью наблюдать за ними.

Наступило лето. Детеныши ели уже мясо, и Тито с помощью Оседланного была постоянно занята добыванием пищи для себя и детей. Иногда она приносила домой суслика, иногда возвращалась с пастью, полной мышей, а иногда ей даже удавалось поймать большого кролика.

Наевшись, все семейство располагалось на солнышке. Тито всходила на какой-нибудь холм и обозревала землю и воздух своими острыми глазами, заботясь о том, чтобы ни один враг не нашел их счастливого дома. А веселые детеныши играли, или охотились за бабочками, или затевали отчаянные схватки друг с другом, или, наконец, теребили кости и перья, валявшиеся у порога их норы. Только один, самый слабенький, как это случается в каждой семье, оставался около матери и карабкался ей на спину или тормошил ее за хвост. Какое это было трогательное зрелище! Тито была горда и счастлива.

IX

Пастух Джек перепробовал много планов разбогатеть, но они лопались один за другим, как только Джек убеждался, что для их осуществления необходимо работать.

Однажды ему пришло в голову, что можно разбогатеть, разводя домашних птиц. Недолго думая, он купил дюжину индюшек и поселил их в углу своей убогой хижины. Два дня индюшки были предметом его нежнейших забот, но уже на третий он предоставил их самим себе. И всякий раз, когда Джек возвращался из странствий в свою неприветливую хижину, он убеждался, что число индюшек уменьшается. Наконец в живых остался всего один старый индюк.

Джека не особенно огорчала потеря, но он негодовал на вора.

Его главным занятием теперь сделалось истребление волков-койотов. Скотоводы снабдили его ядами, капканами

и лошадьми; надежный человек получил бы еще и денег в придачу, потому что скотоводы — народ щедрый, но Джек не был надежным человеком.

Вести против койотов серьезную войну было всего удобнее летом, когда все логовища полны детенышей. Чтобы отыскать такое логово, существует несколько способов. Один из них — влезть на холм и высмотреть койота, несущего пищу своим детям. Ленивому Джеку больше всего нравился именно этот способ, потому что он требовал продолжительного спокойного лежания на земле. Положив рядом с собой трубу и отпустив лошадь, Джек проводил неделю за неделей на каком-нибудь холме. Он громко храпел и лишь изредка оглядывал окрестность сонными глазами.

Койоты выучились избегать открытых пространств и обычно пробирались домой по лощинам и овражкам. Но это, конечно, удавалось не всегда, и однажды взгляд Джека случайно упал на темное пятно, движущееся по открытому склону холма. Джек узнал койота. Видно было, что он несет что-то в своей пасти, а это означало, что поблизости находится логовище с его детенышами. Джек заметил место и на следующий день вернулся, чтобы снова наблюдать. Прошел целый день, а он ничего не увидел. Но на третий день Джек заметил темного койота — это был Оседланный, который нес в зубах большую птицу.

При помощи бинокля Джек разглядел, что койот несет индюка. Он теперь понял, куда девались его индюшки, и поклялся жестоко отомстить врагу, когда найдет его жилье. Он следил за Оседланным, сколько было возможно, и затем отправился на то место, где потерял его из виду. Но тут он не нашел никаких следов и не добрался до лощины, в которой играли дети Тито. Между тем Оседланный спустился в эту ложбинку и издал тихое рычание, которое всегда вызывало наружу девять голодных детенышей. Они накинулись на индюка и теребили его, пока не разорвали на куски, а получив каждый свою долю, разбрелись в разные стороны и молчаливо принялись за еду. Лишь изредка издавали они тихое рычание при приближении кого-нибудь из братьев и сверкали белками глаз, стараясь уследить за всеми движениями соседей. Дело не обошлось без драки, но заботливая мать тотчас же прекратила грызню, разделив индюка на равные части. Тогда буяны разбрелись кто куда, облизывая губы и покачивая головами, а самый маленький нырнул в нору, с торжеством неся свою добычу — громадную голову индюка.

X

Джек чувствовал, что койот, укравший его индюка, совсем разорил его, погубил. И он поклялся, что заживо сдерет шкуру с детенышей, когда найдет их, и с удовольствием мечтал об этом. Попытка выследить Оседланного оказалась неудачной, и все поиски его логовища были напрасны, но он был уже готов ко всевозможным неудачам: на случай, если найдет логовище, он захватил лопату и заступ, а если не найдет — белую живую курицу.

Он отправился на полянку недалеко от того места, где видел Оседланного, и там привязал курицу к полену. Курица отбежала, насколько позволяла ей веревка, а затем улеглась на землю, растерянно хлопая крыльями.

Под вечер Тито пошла на охоту. Нора ее была близко, и она строго следовала правилу никогда не показываться на открытом месте. В прежние времена койоты обыкновенно бегали по самому гребню холма, чтобы глядеть по обе его стороны, но Тито знала, что так ее наверняка увидят, и поэтому всегда пробиралась по склону недалеко от вершины, лишь изредка высовывая морду, чтобы заглянуть через гребень.

В этот вечер она с обычной осторожностью отправилась добывать ужин своим детям, и ее зоркие глаза скоро разглядели белую курицу, метавшуюся из стороны в сторону. Тито была сбита с толку. Это было что-то новое. Курица походила на легкую добычу, но Тито опасалась. Она покружила вокруг птицы, но в конце концов решила лучше оставить ее в покое. Она двинулась дальше и вдруг почувствовала легкий запах дыма. Осторожно повернув в ту сторону, она наткнулась на стоянку Джека. Тут была его постель, паслась лошадь со спутанными ногами, а на догоревшем костре стоял котелок, и его запах был обычным запахом человеческих стоянок — в котелке варился кофе.

Тито сделалось не по себе, когда она увидела, что так близко от ее дома находится человек, но она все же отправилась на охоту. А Джек, на закате вернувшись вместе с курицей к месту стоянки, так и не узнал, какой гость у него побывал.

XI

На следующий день курица опять была привязана на том же месте и к вечеру попалась на глаза Оседланному. Он

остановился, поглазел на нее несколько мгновений, потом уловил направление ветра и осторожно, ползком стал приближаться. Курица перепугалась и попробовала убежать. Но Оседланный сделал прыжок, схватил ее так яростно, что оборвал веревку, и бросился бежать к своему логову.

Джек было задремал, но кудахтанье курицы разбудило его, и он успел увидеть койота. Как только тот исчез из виду, Джек пошел по дорожке из белых перьев. Сначала след был очень ясен, так как курица в борьбе потеряла много перьев, но после того как она испустила последний вздох в зубах Оседланного, перьев стало падать меньше. Джек спокойно и уверенно шел по следу, который тянулся почти по прямой линии. Только раза два произошла досадная задержка: когда койот менял направление или когда на пути совсем не встречалось кустов, на которых оставались перья. Но одного белого перышка на расстоянии пятидесяти шагов от другого было достаточно для Джека, чтобы снова отыскать дорогу. Когда стемнело, Джек был всего в каких-нибудь двухстах шагах от норы, где в эту самую минуту девять детенышей, рыча и давясь перьями, лакомились мясом белой курочки.

Если бы теперь поднялся ветер, один порыв его донес бы до Джека целое облако белых перьев или даже радостные повизгивания детенышей и он сразу же обнаружил бы их дом. Но по воле судьбы на землю опустилась вечерняя тишина, и треск ветвей, которые Джек ломал, тщетно стараясь отыскать хоть одно белое перышко в кустах, отделявших его от лощины, заглушил все остальные звуки.

В это время Тито, возвращаясь домой с сорокой в зубах, напала на следы Джека. В тех краях пеший человек уже сам по себе есть нечто подозрительное, и Тито пошла по следу, чтобы разобрать, куда направился человек. По запаху она сейчас же определила направление. Каким образом это удается животным, никто не знает, но все охотники утверждают, что животное всегда, внюхавшись, разберет, куда ведут следы. Тито поняла, что эти следы направлялись прямо к ее дому. Охваченная ужасом, она спрятала сороку в кустах и побежала дальше по следу. Через несколько минут она почуяла присутствие человека в чаще и поняла грозящую опасность. Кружным путем она побежала в лощину и, приблизившись к логову, предостерегающе тявкнула, чтобы расшалившиеся детеныши не бросились к ней навстречу. Но вид лощины, такой заметной теперь благодаря белым как снег перьям, вероятно, поразил ее, и она тут же заворчала,

предупреждая об опасности. По этому сигналу малыши кинулись в логово, и в лощине водворилась тишина.

Тито убедилась, что человек, которого она всегда знала как существо самое коварное, находится близко от ее детей, выслеживает их и, быть может, уже через несколько мгновений будет держать их в своих жестоких руках.

О, какая мука сковала сердце матери, представившей себе эту ужасную картину! Но горячая материнская любовь сейчас же призвала на помощь всю материнскую мудрость. Отослав детей в логово и зна́ком сообщив о своей тревоге Оседланному, она быстро вернулась к человеку и прошла мимо него, полагая, что человек должен пойти по запаху следов, точно так же как она бы сделала это сама, а значит, он выберет более свежие следы, которые она теперь оставляла за собой. Для нее-то сумерки не играли никакой роли. Она побежала вперед и запела самую дикую и свирепую песню, какую только знала, — ту, которая столько раз заставляла собак гнаться за ней. Пропела и остановилась. Затем побежала ближе к человеку и запела опять, подбегая все ближе, полная решимости увлечь его за собой.

Однако человек не мог увидеть койота, потому что сумерки уже спустились на землю. Джек принужден был бросить охоту, но он догадался, что вой койота был не что иное, как голос матери, старавшейся отвлечь его от логовища. Из этого он заключил, что детеныши должны быть недалеко и что ему остается только вернуться сюда завтра и докончить начатое дело. Поэтому он отправился обратно к месту своей стоянки.

XII

Оседланный думал, что они одержали победу. Он чувствовал себя в безопасности, потому что знал, что запах следов, который только и мог, по его мнению, снова выдать их человеку, исчезнет к утру. Но Тито была менее спокойна. Ведь

это двуногое чудовище слишком близко подошло к ее дому и к ее детям и всегда могло прийти снова.

А Джек напоил свою лошадь, сварил кофе, поужинал и закурил перед сном сигару, изредка вспоминая о маленьких пушистых комочках, которые завтра утром будут в его руках.

Он уже был готов завернуться в свое теплое шерстяное одеяло, когда где-то далеко в темноте зазвучала песня койотов. Слышны были тягучие переливы двух голосов. Джек прислушался, злорадно усмехнулся и сказал: «Так, все в порядке. Пойте себе, голубчики. Утром увидимся».

Это был обычный ночной вой койотов. Он скоро умолк, и Джек, позабыв о нем, крепко заснул.

Тито и Оседланный выли не ради пустой забавы. У них была ясная, определенная цель — узнать наверняка, были ли с их врагом собаки. Не услышав ответного лая, Тито убедилась, что собак не было.

Она ждала до тех пор, пока мерцающий огонек костра не потух совсем. Только фырканье лошади, пощипывавшей траву, нарушало мертвую тишину, воцарившуюся на полянке. Тито подкралась так тихо, что лошадь услыхала ее только тогда, когда она была уже футах в двадцати от нее. Лошадь фыркнула, вздрогнула, и веревка, которой она была привязана к колышку, туго натянулась. Тито спокойно двинулась вперед и, широко раскрыв свою громадную пасть, схватила веревку большими, острыми, как ножницы, задними зубами. Она пожевала и легко перегрызла сильно натянутые волокна веревки. Лошадь очутилась на свободе. Она не особенно встревожилась, так как запах койотов был ей знаком. Сделав несколько прыжков, лошадь остановилась.

Стук ее подков разбудил спящего человека. Он привстал, оглянулся, но, увидев лошадь на месте, снова спокойно заснул.

Тито шмыгнула было в сторону, но теперь снова вернулась, неслышно, словно тень, обошла неподвижную человеческую фигуру и подозрительно понюхала кофе в жестяной кружке. Следом за ней из темноты вынырнул Оседланный, исследовал сковородку, на которой лежала горка сухарей, и запачкал ее. Рядом на низком кусте висела уздечка. Койоты не знали, что это такое, но на всякий случай разорвали ее в клочья. Наконец, схватив мешки с салом и мукой, они унесли их далеко в холмы и там закопали в песок.

Причинив таким образом своему врагу как можно больше неприятностей, Тито и Оседланный отправились в по-

росший лесом овражек. В этом овраге Тито присмотрела уже нору, вырытую земляной белкой, а потом расширенную многими другими – в том числе лисицей, старавшейся выцарапать оттуда обитателей. Тито принялась усердно увеличивать нору. Оседланный следовал за ней в недоумении. И только когда она, усталая, вышла из норы, он полез туда сам и, тщательно обнюхав нору, начал работать, выбрасывая землю задними ногами. Когда позади него выросла целая горка земли, он вышел и отбросил ее подальше. Так работали они в течение многих часов, не обмениваясь ни единым звуком, но тем не менее настолько хорошо понимая друг друга, что один все время помогал другому. И к восходу солнца перед ними была пещера, которая могла бы служить им убежищем в случае опасности, хотя, конечно, эту нору нельзя было и сравнить с их уютным домом в ложбине, поросшей травой.

XIII

Солнце уже всходило, когда Джек проснулся. Как всякий житель прерий, он прежде всего обернулся, чтобы поглядеть на свою лошадь. Ее не было. Лошадь для жителей прерий – то же, что корабль для моряка, что крылья для птицы. Без нее он беспомощен, без нее он подобен человеку, затерянному в океане, или птице, сломавшей крыло. Оказаться пешим в прерии – значит испытать тысячи невзгод. Даже пьяница Джек понимал это. Но, раньше чем он вполне оценил потерю, он увидел далеко в стороне свою лошадь: она спокойно паслась и с каждым шагом удалялась от его стоянки. Посмотрев внимательно, он заметил, что лошадь волочит за собой веревку. Если бы веревки на ней не оказалось, было бы совершенно невозможно поймать ее. Тогда бы Джек и не пытался ее настичь, а сразу отправился бы на охоту. В этом случае выводку койотов грозила бы неминуемая гибель. Но, увидев веревку, Джек решил попробовать поймать свою лошадь.

Из всех вещей на свете, способных свести человека с ума, самая худшая – это когда в погоне за лошадью ему все кажется, что вот-вот ее схватит. Как ни старался Джек, чего только он ни делал, ему не удавалось приблизиться к лошади настолько, чтобы ухватиться за короткий обрывок веревки. И он метался за ней в разные стороны, пока наконец они не очутились на дороге, ведущей на ранчо.

Несчастный Джек, потеряв всякую надежду поймать ло-

шадь, решил следовать за ней пешком домой. Но, отмахав уже около семи миль, он наконец схватил веревку. Он вскочил в седло и за четверть часа проехал последние три мили, оставшиеся до ранчо. Всю дорогу он, дав волю гневу, вымещал огорчения этого утра на своей лошади. Конечно, это не принесло ему никакой пользы, но он хоть «отвел душу».

На ранчо Джек закусил и, захватив с собой собаку, которая умела выслеживать койотов, уже далеко за полдень отправился снова на охоту. В сущности он мог бы и без помощи дворняжки легко найти нору, так как она была всего в каких-нибудь двухстах шагах от того места, где он накануне покинул дорожку из белых перьев. Но Джек этого не знал.

Поднявшись на гребень высокого холма шагах в ста от норы, Джек почти нос к носу столкнулся с койотом, держащим в пасти большого кролика. Койот прыгнул в сторону в ту самую минуту, когда Джек выстрелил из револьвера. А собака, разразившись громким лаем, бросилась в погоню.

Джек посылал койоту вдогонку выстрел за выстрелом, собака гналась за ним по пятам, а койот, к величайшему изумлению Джека, упорно не выпускал изо рта кролика. Ни один из выстрелов Джека не попал в цель. Когда койот и собака скрылись за холмом, Джек предоставил собаке продолжать преследование, а сам пошел искать логово, которое, по его расчету, было где-нибудь поблизости. Джек не сомневался, что детеныши еще там: ведь он видел мать, которая несла им пищу.

Легко обнаружив логово, он принялся за работу и целый день провозился с киркой и заступом, расширяя вход. По всем признакам было видно, что логово обитаемо. Полный радостных надежд, Джек все рыл и рыл. После нескольких часов тяжелой работы он наконец добрался до конца пещеры и... убедился, что она была пуста. Он сначала страшно выругался, проклиная свою судьбу, а затем надел кожаные рукавицы и принялся общаривать нору. Вдруг он наткнулся на что-то твердое – это оказалась голова его собственного индюка. Вот и все, что он получил за свои труды

XIV

Тито не теряла времени, пока ее враг ловил свою лошадь. Окончив устройство нового жилья, она вернулась в ложбину, устланную ковром белых перьев, и на пороге дома была встречена большеголовым детенышем, удивительно похо-

жим на нее. Она схватила его за шею и понесла в новое жилье, находившееся милях в двух от старого. Время от времени она должна была выпускать свою ношу из пасти, чтобы отдохнуть самой и дать передохнуть маленькому. Остановки эти очень замедляли переселение, и переноска малышей продолжалась несколько часов. Тито не позволила Оседланному перенести ни одного детеныша — вероятно, потому, что он был слишком неловок.

Начиная с самого крепкого и большого, все детеныши были перенесены по очереди, и к вечеру в старом доме оставался только самый слабенький и маленький. Тито не только проработала всю ночь, роя нору, но сделала за утро около тридцати миль, причем половину этого расстояния с тяжелой ношей в зубах. Но она не стала отдыхать. Когда она выходила из пещеры, держа последнего детеныша в зубах, над краем ложбины появилась собака, за которой следовал Джек.

Как стрела полетела Тито, крепко держа своего детеныша, и так же стремительно бросилась за нею собака. Выстрелы револьвера гремели непрерывно, но ни одна пуля не задела ее. Тито перелетела через гребень холма, теперь пуля уже не могла настигнуть ее. Усталая Тито со своим детенышем мчалась впереди, а громадная разъяренная собака — во всю прыть за нею.

Если бы Тито не была так утомлена и бежала бы налегке, она скоро оставила бы далеко позади своего преследователя, но теперь собака, яростно лая, начинала настигать свою жертву. Тито призвала на помощь свои последние силы, стрелой взлетела на холмик и затем, выиграв небольшое расстояние, спустилась снова в долину, где густая трава несколько замедлила ее бег. Но вот опять она очутилась на совсем открытой равнине, и охотник, оставшийся далеко позади, снова увидел ее и начал стрелять с еще большим ожесточением. Правда, пули только взрывали землю и поднимали пыль, но Тито все же приходилось постоянно менять направление, чтобы избегать их. Таким образом, она теряла драгоценное время, между тем как собаку звуки выстрелов только подгоняли. Охотник узнал по куцему хвосту Тито. Ему все еще казалось, что она держит в зубах кролика, и он удивлялся ее странному упорству. «Почему она не бросит

эту лишнюю тяжесть, когда дело идет о ее жизни?» — думал он.

Внезапно перед Тито открылся глубокий овражек. Усталая, с тяжелой ношей в зубах, она не решилась перепрыгнуть через него, а обежала кругом. Но собака не успела еще устать и легко перескочила через препятствие. Теперь расстояние между ними сократилось вдвое. Тито неслась все вперед, стараясь держать своего детеныша повыше, над колючими иглами кустарников. Но при этом она держала его так крепко, что беспомощный детеныш начал задыхаться в ее пасти. Бежать долго с такой тяжестью Тито была уже не в силах. Она хотела крикнуть, призвать на помощь, но шерстяной комок во рту заглушал ее голос. Детеныш задыхался, и, когда Тито попробовала держать его немного послабее, он дернулся и вдруг упал в траву, во власть безжалостной собаки.

Тито была гораздо меньше собаки. В другое время она, конечно, испугалась бы, но теперь она думала только о спасении своего детеныша. Когда собака прыгнула, чтобы схватить его, Тито встала между ними и замерла. Вздыбившаяся шерсть и оскаленные зубы говорили, что она решила спасти жизнь своего детеныша какой угодно ценой. Собака не отличалась храбростью, и только сознание, что она крупнее врага и что позади нее находится человек, ободряло ее. Но человек был еще далеко.

Первое нападение на дрожащего маленького детеныша было отбито, и Тито, воспользовавшись передышкой, громко позвала на помощь. Эхо подхватило этот вопль, так что Джек не мог разобрать, откуда он доносится. Но зато некто другой услышал этот клич и понял его. Собака снова прыгнула на детеныша, и снова мать отразила прыжок своим собственным телом. Они сцепились в смертельной схватке. О, если бы только пришел Оседланный! Но никто не приходил, и не было больше возможности звать на помощь. Тито упала на землю, борясь до конца, но изнемогая. А храбрость собаки росла, и теперь она думала только о том, как скорее покончить с матерью, а потом растерзать ее беззащитного детеныша. Она не видела и не слышала ничего кругом, но вдруг из ближайшего куста полыни вылетела серая молния. Ощетинившаяся собака была отброшена вра-

том таким же сильным, как она сама. Еще мгновение — и старый Оседланный подмял ее под себя. Тито вскочила и бросилась к нему на помощь. У собаки не хватило дыхания, чтобы лаем призвать хозяина, скрытого за холмами, и в несколько секунд койоты растерзали ее.

А затем Тито подняла спасенного детеныша, и койоты, не торопясь, побрели к своему новому дому.

В этом убежище маленькие койоты жили, пока мать не кончила их обучать. И каждый из них постиг как древнюю мудрость прерий, так и новую науку, родившуюся в войне, которую объявили их племени скотоводы. А потом эти знания перешли к их детям и детям их детей.

Бизоны давно перевелись: их истребили ружья охотников. Стада антилоп тоже почти совсем исчезли: собаки и пули доконали их. Старинные обитатели Бэдлендов исчезли, как исчезает снег под лучами солнца, но койотам вымирание не грозит.

Койоты узнали смертоносные тайны капканов и ядов, они умеют провести охотника и собаку. Их увертливость не меньше догадливости человека. Они нашли десятки способов спокойно пользоваться плодами человеческих трудов вопреки любым ухищрениям людей.

И всему этому научила их Тито.

МЕДВЕЖОНОК ДЖОННИ

I

Джонни был забавный маленький медвежонок, живший со своей матерью в Йеллоустонском парке. Мать его звали Злюка. Вместе с другими медведями они жили в лесу возле гостиницы.

По распоряжению управляющего гостиницей все отбросы из кухни сносили на открытую поляну в окрестном лесу, где медведи могли пировать ежедневно в течение всего лета.

С тех пор как Йеллоустонский парк был объявлен заповедником для диких животных, где они пользовались полной неприкосновенностью, количество медведей там из года в год возрастало. Мирные дары человека не остались в пренебрежении, и многие из медведей были настолько хорошо знакомы прислуге гостиницы, что даже получили прозвища, соответствующие их внешнему виду и поведению.

Один очень длинноногий и худой черный медведь назывался Тощим Джимом. Другой черный медведь звался Фыркалка; он был так черен, будто его закоптили. Толстяк был очень жирный, ленивый медведь, который всегда норовил лечь, когда ел. Два лохматых подростка, которые всегда приходили и уходили вместе, назывались Близнецами. Но наибольшей известностью пользовались Злюка и маленький Джонни.

Злюка была самой большой и свирепой из черных медведей, а Джонни, ее единственный сын, был надоедлив и несносен, так как никогда не переставал ворчать и скулить. Вероятно, это объяснялось какой-нибудь болезнью, потому что ни один здоровый медвежонок, как и всякое здоровое дитя, не станет беспричинно ныть все время. Да и правда, Джонни был похож на больного. У него, по-видимому, постоянно болел живот, и это показалось мне вполне естественным, когда я увидел, какую ужасающую мешанину пожирал он на свалке. Он пробовал решительно все, что видел. А мать, вместо того чтобы запретить ему, давала что угодно.

У Джонни были только три здоровые лапы, блеклый облезлый мех и несоразмерно большие уши и брюхо. Однако мать обожала его; она, по-видимому, была убеждена, что сын ее красавец, и, конечно, совсем избаловала его. Злюка была готова подвергаться каким угодно неприятностям ради него, а он всегда с удовольствием давал ей повод для беспокойства. Больной и хилый Джонни был далеко не дурак и умел заставлять свою мамашу делать все, что он захочет.

II

Я познакомился с Джонни летом 1897 года, когда посетил Йеллоустонский парк, чтобы наблюдать животных в естественных условиях. Мне рассказали, что в лесу около Гейзерной гостиницы можно увидеть медведей в любое время. Я не особенно верил этим рассказам, пока сам не столкнулся, выйдя из дверей гостиницы через пять минут после приезда, с большой черной медведицей и двумя медвежатами.

Я остановился, испуганный этой встречей. Медведи тоже остановились и, присев на задние лапы, разглядывали меня. Затем медведица издала странный звук, похожий на кашель, «Кофф, кофф!» — и посмотрела на ближайшую сосну. Медвежата, казалось, поняли, что она хотела сказать, так как

немедленно побежали к дереву и стали взбираться на него, как две обезьянки. Почувствовав себя в безопасности, они уселись наверху на ветках, точно мальчишки, придерживаясь одной лапой за ствол и болтая в воздухе маленькими черными ножками.

Медведица-мать, все еще на задних лапах, медленно приближалась ко мне, и я уже начинал чувствовать себя весьма неприятно от близости этого мохнатого чудовища, стоявшего во весь свой саженный рост и, по-видимому, никогда не слыхавшего о волшебной силе человеческого взгляда.

У меня не было с собой даже палки для защиты, и, когда медведица тихо заворчала, я стал уже помышлять о бегстве, несмотря на то что, как меня уверяли, медведи здесь никогда еще не нападали на человека. Но медведица снова остановилась. Она стояла шагах в тридцати от меня, продолжая молча меня рассматривать, точно в нерешительности. Казалось, она размышляла: «Этот человек, может быть, и не хочет зла моим детенышам, но рисковать не стоит».

Она взглянула на своих малышей, издала странный жалобный звук вроде «ер-р-р, ер-р...», и они начали спускаться с дерева, как послушные дети, получившие приказание. В их движениях не было ничего неуклюжего, медвежьего. Легко и проворно они спрыгивали с ветки на ветку, пока не очутились на земле. И все трое ушли в лес.

Мне очень понравились эти послушные медвежата. Как только мать приказывала им что-нибудь, они беспрекословно ей повиновались. Но я узнал также, что стоило бы им ослушаться, и она безжалостно их отшлепала бы.

Так мне удалось с первых же шагов довольно удачно заглянуть в семейную жизнь медведей. Ради этого стоило сюда приехать, даже если бы этим дело и ограничилось. Но мои друзья в гостинице сказали мне, что я попал далеко не в лучшее место для наблюдений. Они посоветовали мне пройти за четверть мили на свалку в лесу, где, по их словам, я могу вдосталь налюбоваться медведями (как будто это было возможно!).

На следующий день рано утром я направился к этой ме-

двежьей столовой, расположенной посреди сосен, и спрятался в ближайших кустах.

Ждать пришлось недолго. Из лесу тихо вышел большой черный медведь. Подойдя к свалке, он принялся раскапывать кучу и пожирать отбросы. Он был все время настороже, приседал на задние лапы и оглядывался при всяком шорохе или отбегал на несколько шагов, как будто в испуге. Наконец при появлении другого медведя он поднял уши и бросился наутек под сосны. Второй медведь вел себя так же боязливо и тотчас убежал, едва я зашевелился в кустах, пытаясь лучше его разглядеть.

Вначале я и сам волновался — ведь носить оружие в Йеллоустонском парке строго воспрещено. Но робкое поведение медведей меня успокоило. Я с жадностью рассматривал этих больших косматых зверей, заглядывая в их домашнюю жизнь.

Однако вскоре я убедился, что избранный мною наблюдательный пункт недостаточно хорош, так как он находился шагах в семидесяти пяти от мусорной кучи. А ближе не было ни одного куста, за которым можно было бы укрыться. Тогда я сделал единственное, что мне оставалось: подошел к самой куче и, выкопав в ней углубление, достаточное для того, чтобы в нем спрятаться, пробыл там целый день, окруженный капустными стеблями, картофельной шелухой, жестянками из-под томатов и гниющими остатками мяса. Это место мне нравилось гораздо меньше, чем мухам. По правде говоря, аромат медвежьей столовой был настолько неприятен, что, когда я вернулся вечером в гостиницу, мне не позволили войти в нее, пока я не переоделся в лесу.

Сидеть в мусорной куче нелегко, но зато я могу сказать, что в этот день действительно видел медведей. Если бы я считал каждого приходившего на свалку медведя, я мог бы насчитать их больше сорока. Но конечно, это было бы неправильно, так как медведи уходили и возвращались. Впрочем, я уверен, что их там было не менее тринадцати, потому что именно такое количество я видел одновременно.

Ведь в тот день я не оставлял альбома и записной книжки, отмечая каждого вновь появившегося медведя, и вскоре научился отличать их одного от другого.

Многие ненаблюдательные люди полагают, что все животные одной породы одинаковы. Но в действительности они так же отличаются друг от друга, как и люди. Иначе каким образом взрослые животные узнают друг друга, а детеныши — своих матерей? Каждый из этих пирующих ме-

дведей имел свою особенность. Среди них не было двух совершенно одинаковых по облику и по характеру.

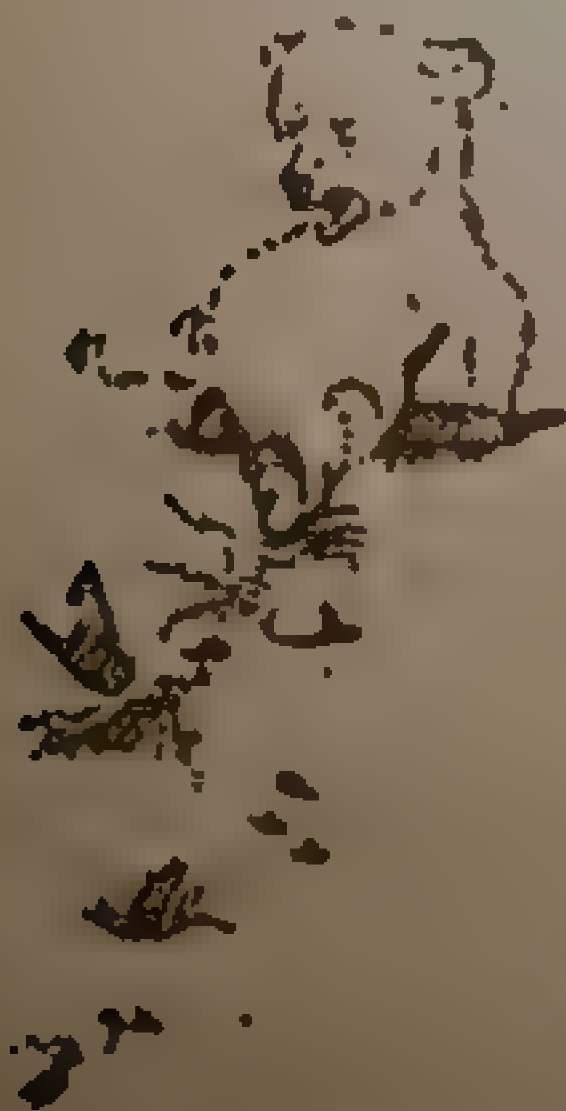
Мне удалось сделать еще одно удивительное открытие: я легко различал стук дятла за сто шагов в лесу, щебет синиц, крик голубой сойки, слышал даже, как белка пробиралась сквозь листву, но я не мог уловить ни малейшего звука при приближении медведей. Их громадные мягкие лапы всегда ступают так осторожно, что ни ветку не сломают, ни листок не шевельнут – так велико их искусство ходить по лесу бесшумно.

III

Все утро медведи приходили и уходили, не замечая меня. Если не считать одной-двух маленьких ссор, ничего особенного не произошло.

Но около трех часов пополудни наступило некоторое оживление.

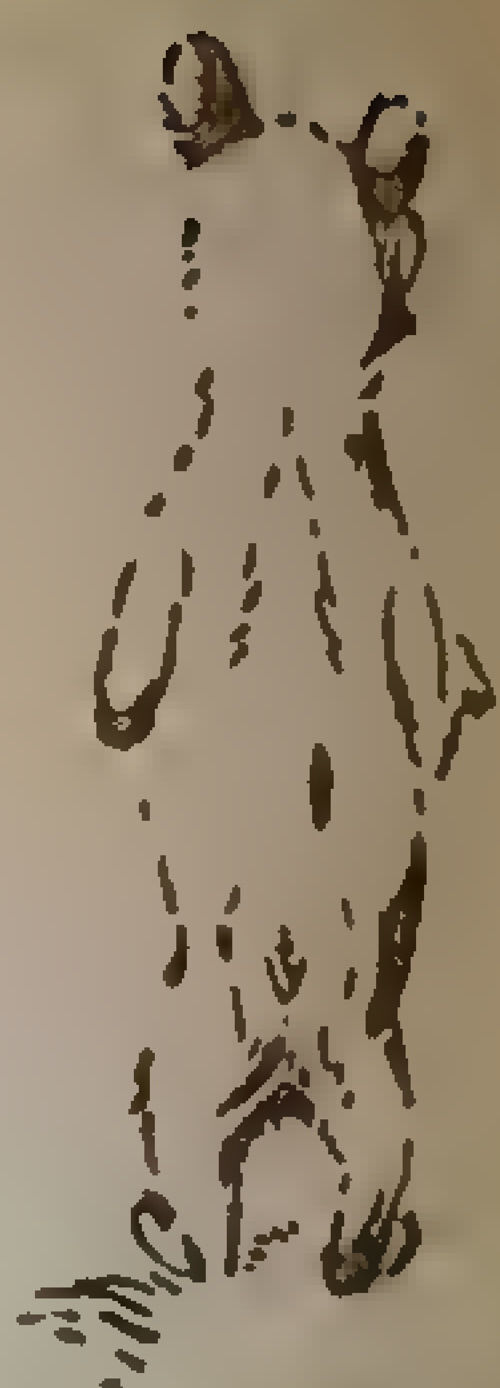
К этому времени на свалке находились четыре больших медведя, занятых обедом. В середине был Толстяк, растянувшийся во всю длину, миролюбивый и счастливый. Иногда он пыхтел и, избавляя себя от лишних движений, все дальше и дальше высовывал язык, похожий на длинную красную змею, стараясь слизнуть лакомые кусочки, которые легко мог бы достать лапой. Позади него тощий Джим изучал анатомию древнего мира. С омарами он еще не был знаком, поэтому он решил ради опыта съесть одного. Два других медведя с поразительной ловкостью очищали жестянки из-под фруктов. Гибкая медвежья лапа держала жестянку, а длинный язык двигался взад и вперед в узком отверстии, осторожно избегая острых краев и вылизывая все, что было внутри. Эта трогательная сцена продолжалась так долго, что я успел зарисовать ее, прежде чем она внезапно прервалась.

Сначала мой взгляд уловил какое-то движение на вершине откоса, в том месте, откуда обычно появлялись медведи. Затем из лесу вышла огромная черная медведица в сопровождении крошечного медвежонка. Это были Злюка и маленький Джонни.

Старая медведица спускалась вниз по откосу. Джонни семенил рядом с нею, по обыкновению ворча и скуля, а мать не

сводила с него глаз, как курица со своего единственного цыпленка. Шагах в тридцати от свалки Злюка повернулась к своему сыну и, должно быть, сказала ему приблизительно следующее: «Джонни, дитя мое, тебе лучше подождать здесь, пока я схожу и разгоню эту компанию».

Джонни послушно остался, но ему хотелось видеть, что произойдет, поэтому он поднялся на задние лапы, выпучив глаза и навострив уши.

Злюка направилась к свалке, с достоинством переступая с лапы на лапу, и предостерегающе заворчала. Четыре медведя, однако, были слишком увлечены едой, чтобы обратить на нее внимание. Что за беда, если еще один медведь собирается присоединиться к их пиршеству! Тогда Злюка, подойдя к ним почти вплотную, издала ряд громких звуков, похожих на кашель, и бросилась в атаку. Смешно сказать, но медведи даже не пытались ей сопротивляться. Как только они увидели, кто на них напал, все сразу же помчались в лес.

Тощий Джим улепетывал во все лопатки, остальные двое тоже не отставали, но бедный Толстяк двигался слишком медленно, пыхтя и переваливаясь, как и положено толстяку. Вдобавок, к своему несчастью, он имел неосторожность направиться в сторону Джонни. В несколько прыжков Злюка настигла его и надавала ему здоровенных шлепков по задней части. Шлепки хотя и не ускорили его шагов, но заставили его завыть и переменить направление. Только это и спасло его от дальнейшей расправы. Злюка, оставшаяся теперь единственной владелицей всей свалки, повернулась к сыну со знакомым уже мне жалобным призывом «Ер-р-р...» В ответ Джонни радостно заковылял на своих трех здоровых лапах — так быстро, как только мог. Присоединившись к матери, он с такой жадностью набросился на еду, что даже перестал скулить.

Очевидно, он уже бывал на свалке, так как отлично разбирался в жестянках и коробках. Коробки из-под омаров не прельщали его, если он мог найти банку из-под варенья. Некоторые жестянки доставили ему много неприятностей, так

как он был слишком жаден и неловок, чтобы избежать их острых краев. У одной соблазнительной жестянки из-под фруктов было такое большое отверстие, что он просунул внутрь всю голову и в течение нескольких минут наслаждался, вылизывая самые дальние уголки. Но вытащить голову обратно ему не удалось, он оказался пойманным. Тогда Джонни стал царапать жестянку и кричать, как сделал бы всякий другой ребенок на его месте, доставляя этим большое огорчение своей матери, которая никак не могла ему помочь. Когда ему наконец удалось освободиться, он колотил жестянку до тех пор, пока совсем ее не расплющил.

Другая большая жестянка, из-под сиропа, вознаградила его вполне. Она когда-то закрывалась крышкой, так что ее отверстие имело совершенно гладкие края. Но зато голова Джонни не влезала в это отверстие, и, как он ни вытягивал свой язык, он не мог добраться до ее сокровищ. Однако Джонни быстро нашел выход из положения. Запустив внутрь свою маленькую черную лапу, он стал водить ею по стенкам, потом вытаскивал и вылизывал начисто. Облизывая одну лапу, он другой работал внутри жестянки, повторяя эту операцию до тех пор, пока жестянка не сделалась такой чистой внутри, как только что выпущенная с фабрики.

Потом он заинтересовался сломанной мышеловкой. Захватив ее крепко передними лапами, он принялся ее исследовать. От мышеловки очень соблазнительно пахло сыром. Однако эта невиданная вещица ответила на удар его лапы ударом, и он едва сдержал крик о помощи, проявив в этом случае необычное для него самообладание.

После внимательного осмотра, во время которого он наклонял голову то в одну сторону, то в другую и вытягивал губы трубочкой, мышеловка подверглась тому же наказанию, как раньше непокорная жестянка из-под фруктов. Усердие Джонни было на этот раз вознаграждено: в самом сердце преступницы он нашел кусочек сыру.

Джонни, по-видимому, никогда еще не случалось отравляться. После того как он вылизал все жестянки из-под варенья и фруктов, он обратил свое благосклонное внимание на коробку из-под сардин и омаров и даже не испугался армейских мясных консервов. Его живот раздулся, как шар, а передние лапы от беспрестанного облизывания сделались тонкими и блестящими, словно он надел черные шелковые перчатки.

IV

Мне пришло в голову, что мое место может оказаться очень опасным, так как одно дело – попасться на глаза одинокому медведю и совершенно другое – привлечь к себе внимание сердитой медведицы, испугав чем-нибудь ее медвежонка.

«Предположим, – подумал я невольно, – что шалун Джонни проберется к этому концу свалки и найдет меня в моем убежище. Он сразу поднимет крик, а его мать, конечно, вообразит, что я напал на него, и, не дав мне возможности объясниться, позабудет все правила вежливости, установленные в парке. Тогда дело может принять весьма неприятный оборот».

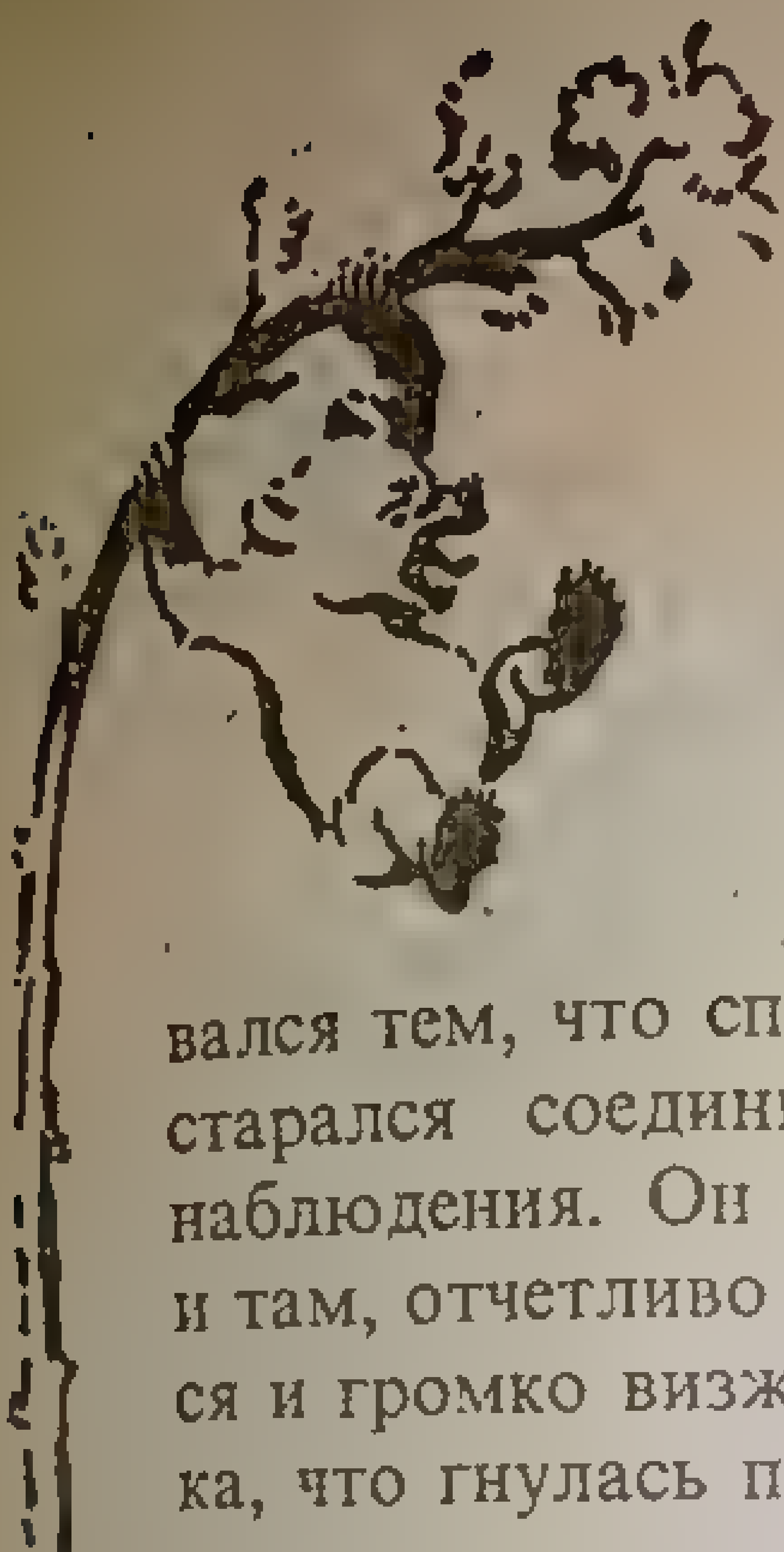
По счастью, все банки из-под варенья были в другом конце свалки. Джонни держался возле банок, а Злюка не отходила от него далеко. Заметив, что в лапы матери попалась соблазнительная жестянка, Джонни с плачем побежал к ней, требуя ее себе, но тут нечаянно бросил взгляд на вершину холма. То, что он там увидел, заставило его сразу присесть на задние лапы и тревожно закашлять: «Кофф, кофф, кофф, кофф...»

Мать быстро повернулась и стала смотреть в ту же сторону. Я последовал за их взглядом и там – о ужас! – увидел громадного гризли [1]. Это было настоящее чудовище, которое походило на омнибус, закутанный в мех и двигавшийся меж деревьев. Джонни заскулил и спрятался за мать. Злюка глухо заворчала, и шерсть на ее спине встала дыбом. Признаюсь, и у меня волосы поднялись дыбом, но я старался не шелохнуться.

Гризли приближался величественной походкой. Его широкие плечи и серебристый мех, колыхавшийся при каждом шаге, производили впечатление такой мощи, что невольно внушали ужас.

Джонни начал скулить еще громче. Я вполне ему сочувствовал, но старался молчать по весьма понятной причине. После минутной нерешительности Злюка повернулась к своему плаксивому медвежонку и произнесла несколько слов, которые для меня звучали как короткое покашливание: «Кофф, кофф, кофф...» Но я могу представить себе, что

[1] В Америке водятся медведи двух пород: черные и серые. «Гризли» по-английски значит сероватый, отсюда серые медведи и получили название «гризли».

она сказала: «Дитя мое, тебе следует взобраться на то дерево и подождать, пока я пойду и прогоню этого нахала».

Во всяком случае так именно поступил Джонни и такое желание изъявила его мать. Но Джонни вовсе не был склонен отказываться от развлечения. Он хотел видеть, что произойдет, и не удовольствовался тем, что спрятался в густых ветвях сосны, а постарался соединить безопасность с возможностью наблюдения. Он взобрался на самую высокую ветку и там, отчетливо вырисовываясь на фоне неба, вертелся и громко визжал от волнения. Ветка была так тонка, что гнулась под его тяжестью, раскачиваясь в разные стороны при любом его движении, и я каждый миг ожидал, что она сломается. Если бы при этом Джонни упал в мою сторону, это навлекло бы на меня гнев его матери. Но ветка, к счастью, оказалась крепче, чем я думал, а Джонни был слишком искусен в подобных упражнениях, чтобы сломать ее или самому потерять равновесие.

Тем временем Злюка шла навстречу Гризли, вытянувшись во весь свой рост, с ощетинившейся шерстью, лязгая зубами. Гризли, насколько я мог видеть, не обращал на нее внимания и прямо направился к свалке, как будто он был совершенно один. Но когда он поравнялся со Злюкой, она зарычала, бросилась на него и отвесила ему жёстокую оплеуху. Озадаченный, он все же успел ответить ей ударом левой лапы и опрокинул ее, как куль с сеном. Нисколько этим не укрощенная, она рассвирепела еще больше, вскочила и снова бросилась на него.

Они обхватили друг друга и катались по земле, фыркая, рыча и поднимая целые облака пыли. Но сквозь весь этот шум я мог ясно расслышать Джонни, который визжал во весь голос на верхушке сосны и, видимо, ободрял мать, чтобы она поскорее покончила с противником.

Почему Гризли не сломал ее пополам, я так и не мог понять. Через несколько минут, в течение которых мне не было видно ничего, кроме пыли и неясных очертаний дерущихся, они вдруг разошлись, как будто по взаимному уговору, быть может, согласно правилам медвежьей борьбы, и остановились, глядя в упор друг на друга, причем Злюка казалась сильно утомленной.

Гризли, по-видимому, готов был этим ограничиться. В намерения его вовсе не входило продолжать драку, а тем более обращать внимание на Джонни. Он хотел только одного: мирно пообедать. Но нет! В тот миг, когда он сделал первый шаг по направлению к свалке, а по мнению Злюки, к ее медвежонку, она возобновила нападение. Но теперь Гризли был начеку. Одним ударом он свалил медведицу с ног и отшвырнул на громадный, выдернутый с корнями пень. Это ее наконец образумило. Сила полученного удара и жесткий прием, оказанный ей торчащими корнями, похожими на рога, отбили у нее весь воинственный пыл. Кое-как поднявшись, она попыталась скрыться. Однако теперь Гризли сам пришел в ярость и, желая хорошенько ее проучить, стал гоняться за нею вокруг пня. Злюка была подвижнее и успевала увертываться так, что пень всегда оказывался между нею и противником. Джонни, оставаясь на дереве, продолжал проявлять самый живой и шумный интерес к происходящему.

Наконец убедившись, что поймать ее таким способом невозможно, Гризли присел на задние лапы, словно обдумывая какой-то новый маневр. Злюка воспользовалась передышкой и, сделав прыжок от пня, успела взобраться на дерево, где сидел Джонни. Медвежонок спустился немного ниже, быть может, для того чтобы ее встретить или чтобы дерево не треснуло под их двойной тяжестью.

Сфотографировав эту интересную группу, я решил любой ценой получить снимок с более близкого расстояния. В первый раз за этот день я выскочил из своей норы и перебежал под самое дерево. Но эта перемена места была ошибкой, так как густые нижние ветви совершенно заслонили от меня медведей, сидевших у вершины.

Прижавшись к самому стволу, я глядел вверх и выжидал момента, чтобы пустить в ход фотоаппарат. Вдруг Злюка стала спускаться, щелкая зубами и угрожающе кашляя. Пока я стоял в нерешительности, сзади меня раздался чей-то голос:

— Эй, мистер, берегитесь! Старая медведица нападет на вас.

Я обернулся и увидел молодого пастуха. Он проезжал мимо верхом на лошади как раз в то время, когда развертывались события.

— Вы знаете этих медведей? — спросил я, когда он подъехал ближе.

— Еще бы! — отвечал он. — Этот малыш наверху —

Джонни, а медведица – его мать Злюка. Она и всегда-то может напасть. А уж если Джонни так разревется, то добра не жди!

– Мне бы хотелось сфотографировать ее, когда она сойдет вниз.

– Тогда вот что, – сказал пастух. – Я останусь рядом с вами на лошади и, если медведица на вас нападет, попробую ее отогнать.

Он стал рядом со мною, как было условлено, в то время как Злюка с грозным ворчанием медленно спускалась с сука на сук. Но, почти достигнув земли, она вдруг перебралась на другую сторону ствола и, спрыгнув вниз, убежала, не попытавшись выполнить свои страшные угрозы.

Итак, Джонни остался один. Взобравшись на старое место, он жалобно заплакал: «Уа, уа, уа!»

Камера была наготове, и я уже собирался запечатлеть Джонни в его любимой позе, которую он принимал всегда, когда плакал, но вдруг он вытянул шею и стал кричать во все горло, как во время драки.

Взглянув в ту сторону, куда смотрел Джонни, я увидел, что прямо на меня идет Гризли, пока еще не начиная враждебных действий, но с очевидным намерением пройти все расстояние, отделявшее нас друг от друга.

Я спросил моего приятеля, пастуха, знает ли он этого медведя.

– Как не знать! Это старый Гризли, самый большой медведь в парке. Обыкновенно он занят только своими делами, но он никого не боится, а сегодня ему уже довелось подраться, так что он может и напасть.

– Мне бы хотелось его сфотографировать, – заметил я. – Если вы мне поможете, я готов рискнуть.

– Ладно, – ответил пастух, широко улыбнувшись. – Я останусь на лошади и, если он бросится на вас, постараюсь его отвлечь. Я могу ударить его один раз, но второй раз мне вряд ли это удастся. Так что присмотрите-ка заранее дерево получше.

Но так как единственное дерево поблизости было то, на котором сидел Джонни, предложение пастуха меня совершенно не прельщало. Я живо представил себе, как карабкаюсь наверх, к Джонни, а мать его преследует меня по пятам, в то время как Гризли поджидает внизу той секунды, когда Злюка сбросит меня прямо ему в лапы.

Гризли приближался. Я сфотографировал его в сорока шагах, затем еще раз – в двадцати, а он спокойно продол-

жал шествовать ко мне. Я присел на кучу мусора и приготовился. Восемнадцать шагов, семнадцать шагов, двенадцать, восемь... Он все еще шел, а Джонни кричал все громче. Наконец в пяти шагах от меня он остановился и наклонил свою страшную бородатую голову набок, чтобы рассмотреть, кто поднимает такой гам на вершине дерева. Это движение показало мне его в профиль, и я снова щелкнул камерой. При этом звуке он обернулся с таким ужасным рычанием, что я замер на месте, думая, что пришла моя последняя минута. Некоторое время он смотрел на меня в упор, и я мог различить маленькие зеленые огоньки в его глазах. Затем он опять медленно повернулся и схватил большую банку из-под томата.

«Господи! Неужели он швырнет ее в меня?»

Так я подумал. Но вместо этого он принялся неторопливо ее вылизывать, затем отбросил в сторону и взял другую банку, потеряв сразу всякий интерес ко мне и к Джонни и решив, по-видимому, что мы оба не стоим его внимания.

Я стал пятиться назад, медленно и почтительно, как подобает в присутствии короля лесов, оставляя в его полном распоряжении все богатства свалки, в то время как Джонни в своем убежище продолжал вопить.

Что произошло со Злюкой дальше в тот день, мне неизвестно. Джонни, поплакав еще некоторое время, понял наконец, что ему не у кого искать сочувствия, и весьма благоразумно замолчал. Оставшись без матери, которая одна могла бы о нем позаботиться, он решил, что надо действовать самому, и проявил при этом бо́льшую сообразительность, чем можно было от него ожидать. Проследив за Гризли с лукавым выражением на маленькой черной мордочке и подождав, пока тот отошел на некоторое расстояние от дерева, он тихо соскользнул на землю с другой стороны ствола, потом на трех ногах перебежал, как заяц, к соседнему дереву, не останавливаясь и не переводя дыха-

ния, пока не взобрался на самую верхнюю ветку. Несомненно, он был вполне убежден в том, что Гризли только и думает, как бы убить его, маленького Джонни. Но он так же твердо знал, что его враг не может лазить по деревьям.

Внимательно понаблюдав за Гризли, который не обращал на него ни малейшего внимания, Джонни повторил опять тот же маневр, сделав для разнообразия движение в сторону, чтобы обмануть врага. Так он перебегал от дерева к дереву, взбираясь на самую вершину каждого из них, хотя бы оно было совсем рядом, пока, наконец, не скрылся в лесу. Минут через десять снова послышался его плаксивый голос в отдалении. Я понял, что он нашел мать и возобновил свои жалобы, рассчитанные на пробуждение ее родительских чувств.

V

Из всех консервных банок на свалке больше всего по вкусу Джонни приходились те, на которых была этикетка, изображавшая большую лиловую сливу. Самый запах этих слив волновал его.

Однажды, когда в кухне гостиницы пекли сразу громадное количество пирожков со сливовым вареньем, болтливый ветерок разнес известие об этом событии далеко по лесу. Оно проникло через нос Джонни в самую его душу.

Джонни по своему обыкновению в это время скулил и хныкал. Злюка была занята облизыванием и причесыванием своего сынка, так что он вдвойне имел основание жаловаться. Но запах пирожков совсем заворожил его. Он вскочил, а при попытке матери удержать его на месте поднял крик и даже укусил ее. Нужно было бы хорошенько проучить его за это, но она только неодобрительно поворчала и пошла за ним, чтобы защитить, если кто-нибудь вздумает его обидеть.

Держа свой черный носик по ветру, Джонни помчался прямо к кухне. Впрочем, по дороге он принимал некоторые предосторожности, взбираясь время от времени на самые вершины сосен, для того чтобы бросить взгляд на окрестность, а Злюка сторожила внизу. Так они добрались до самой кухни. Там, на верхушке последнего дерева, предприимчивость Джонни сразу иссякла, и он так и не решился спуститься вниз, выражая свою тоску по пирожкам душераздирающим плачем. Вряд ли Злюка поняла, почему он плачет. Но когда она захотела повернуть назад, в лес,

Джонни устроил такой скандал, что она не решилась его оставить, а он сам не изъявлял никакого желания сойти с дерева.

Злюка и сама была не прочь отведать сливового варенья, запах которого возле гостиницы был особенно силен. И вот с некоторой опаской она направилась к кухонной двери. В этом не было ничего удивительного. В Йеллоустонском парке медведи нередко приходят к дверям кухни за подачками и, получив что-нибудь, так же мирно удаляются обратно в лес. Несомненно, Джонни и Злюка получили бы каждый по пирожку, если бы не совершенно неожиданное обстоятельство.

Незадолго до этого какой-то заезжий путешественник из восточных штатов привез в гостиницу кошку. Сама она была еще почти котенком, но уже имела целую семью собственных котят. Когда Злюка подошла, кошка вместе с котятами нежилась на солнце, лежа на кухонном крыльце. Раскрыв глаза, кошка с удивлением смотрела на громадное мохнатое чудовище, стоящее над нею.

Кошка никогда раньше не видела медведя: она еще слишком недолго прожила в парке. Она даже не понимала, что такое медведь. С собаками она была хорошо знакома, и если это была собака, то во всяком случае самая большая и страшная из всех, каких только она видела наяву и во сне. Первая мысль кошки была спастись бегством, но затем она подумала о котятах. Она должна позаботиться о них и по крайней мере дать им возможность уйти. И вот маленькая мать встала посреди крыльца и, выгнув спину, выпустив когти и распустив хвост, прошипела медведице свой приказ: «Стой!»

Хотя это было сказано на кошачьем языке, но медведица вполне поняла смысл. Очевидцы утверждают, что Злюка не только остановилась, но даже подняла вверх передние лапы в знак покорности.

Но когда она приняла это положение и взглянула на кошку сверху, кошка показалась ей уж совсем крошечной. Старая Злюка не побоялась даже Гризли, неужели теперь ее удержит такое ничтожное хвостатое существо величиной не

больше ее пасти? Ей стало стыдно самой себя. А плач Джонни напомнил ей о ее прямом долге — защищать сына. Тогда она снова опустилась на все четыре лапы с намерением идти дальше.

И опять кошка крикнула: «Стой!»

Однако Злюка на этот раз не послушалась. Испуганное мяуканье котят волновало кошку, и она бросилась на неприятеля. Восемнадцать острых когтей и полная пасть зубов — все оружие, которое имела кошка, — было пущено ею в ход, и с мужеством отчаяния она вцепилась в голый чувствительный нос Злюки — самое слабое место у всякого медведя — и потом по ее спине перебралась к хвосту. После двух-трех попыток сбросить разъяренного маленького зверя старая Злюка поступила так, как поступает большинство при таких обстоятельствах: она показала пятки и бросилась прочь из неприятельского лагеря в родные леса.

Но в кошке проснулись воинственные наклонности. Она не удовлетворилась изгнанием врага, а хотела добиться полного его поражения и безусловной покорности. Хотя старая Злюка убегала во всю прыть, кошка оставалась у нее на спине, орудуя зубами и когтями, как маленький чертенок. Злюка, охваченная ужасом, стала кидаться в разные стороны, и путь этой странной пары отмечался на земле клочками длинной черной шерсти и даже кое-где пятнышками крови.

Гордость кошки была удовлетворена, но этого ей было мало, она продолжала бешеную скачку. Злюка пришла в полное отчаяние. Она была унижена и готова принять любые условия сдачи, но кошка казалась глухой к ее вою. И неизвестно, как далеко зашло бы дело, если бы не Джонни, который пронзительным криком с верхушки дерева внушил матери новый план спасения. Злюка в два прыжка достигла сосны и вскарабкалась наверх.

Здесь кошка ясно почувствовала, что попала в лагерь неприятеля, численность которого вдобавок удвоилась. Благоразумно решив прекратить преследование, она соскочила со спины медведицы на землю и стала прогуливаться вокруг дерева с высоко поднятым хвостом, вызывающе поглядывая вверх, точно приглашая врага спуститься. Потом к ней присоединились котята и, усевшись в кружок, стали громко выражать свое удовольствие. По уверениям свидетелей, медведи ни за что не спустились бы с дерева и погибли от голода, если бы повар не отозвал кошку. Впрочем, последнее может быть и преувеличением.

VI

Когда я в последний раз видел Джонни, он сидел на верхушке дерева и по обыкновению оплакивал свою несчастную участь. А в это время Злюка рыскала между соснами, высматривая какую-нибудь жертву для расправы, при условии, конечно, что это не будет Гризли или кошка.

Было начало августа, и в поведении Злюки уже замечалась некоторая перемена. Среди обитателей парка она всегда считалась опасной, а ее любовь к Джонни признавалась основной чертой ее характера. Между тем к концу этого месяца Джонни уже нередко проводил целые дни на верхушке какого-нибудь дерева в полном одиночестве, чувствуя себя глубоко несчастным.

Последняя глава его короткой истории относится уже к тому времени, когда я уехал из Йеллоустонского парка.

Однажды на рассвете Джонни тащился следом за своей матерью, блуждавшей вблизи гостиницы. В кухне в это время находилась девушка-ирландка, незадолго до того принятая на службу. Выглянув в окно, она увидела, как ей показалось, теленка, забредшего куда не следует, и побежала прогнать его. Открытая кухонная дверь со времени истории с кошкой все еще вызывала такой ужас в Злюке, что она сейчас же пустилась наутек. Джонни, зараженный ее испугом, бросился к ближайшему дереву, которое, к несчастью, оказалось... столбом. Быстро, слишком быстро достиг он его верхушки в каких-нибудь семи футах от земли и там принялся изливать свое горе, тогда как Злюка продолжала бежать без оглядки. Когда девушка подошла ближе и увидела, что загнала на столб какого-то дикого зверя, она перепугалась не меньше своей жертвы. Но тут подоспели другие кухонные служители и, узнав крикуна Джонни, решили взять его в плен.

Принесли ошейник и цепь, и после борьбы, во время которой несколько человек были сильно поцарапаны, на шею строптивого медвежонка был надет ошейник, а цепь крепко привязана к столбу.

Почувствовав себя в плену, Джонни пришел в такое бешенство, что даже не мог кричать. Он только кусался, рвал

и царапал все вокруг себя, пока не выбился из сил. Тогда он снова заголосил, призывая мать. А она хотя и показывалась раза два на почтительном расстоянии, но, боясь встретиться с кошкой, в конце концов ушла в лес, предоставив Джонни своей участи.

Весь этот день он то бился, то принимался кричать. К вечеру он окончательно обессилел и даже принял пищу, которую ему принесла ирландка Нора. Эта девушка чувствовала себя обязанной принять на себя роль приемной матери Джонни: ведь по ее вине он лишился настоящей матери!

Ночь была очень холодная, но Джонни только тогда решился спуститься вниз, на приготовленную для него теплую постель, когда совсем замерз на верхушке своего столба.

В последующие дни Злюка часто появлялась на свалке, но, по-видимому, совершенно забыла о своем сыне. Джонни продолжал оставаться на попечении Норы и получать от нее пищу. Впрочем, он получил от нее и кое-что новое для себя: однажды, когда она принесла ему обед, он цапнул ее и за это впервые в своей жизни был отшлепан самым настоящим образом. В течение нескольких часов он дулся: он не привык к подобному обращению. Но голод взял свое, и с тех пор он стал относиться к своей воспитательнице с большим почтением. Нора усердно воспитывала осиротевшего медвежонка, и через две недели нрав Джонни уже значительно изменился. Он стал много спокойнее и хотя по-прежнему выражал свой голод в плаксивых звуках «ер-рр-р, ер-р-р, ер-р-р...», но уже редко поднимал крик, а его неистовые выходки совершенно прекратились.

Ко второй половине сентября перемена в его характере сделалась еще более заметной. Брошенный своей матерью, он всецело привязался к Норе, которая его кормила и наказывала, и из него выработался чрезвычайно благовоспитанный медвежонок. Иногда Нора даже отпускала его на свободу. И он в таких случаях направлялся не в лес, а в кухню, где находилась его приемная мать, и ходил за нею по пятам на задних лапах. Здесь ему также пришлось познакомиться с грозной кошкой. Но Джонни имел теперь могущественного покровителя, и кошке в конце концов пришлось заключить с ним мир.

В октябре гостиница должна была закрыться на зиму.

Стали думать о том, как поступить с Джонни: выпустить ли его на свободу или отправить в Вашингтонский зоологический сад. Однако Нора предъявила на него свои права, которыми ни за что не хотела поступиться.

С наступлением морозных ночей в последних числах сентября у Джонни появился сильный кашель. Осмотрели его хромую ногу и увидели, что хромота зависела не от какого-либо повреждения, а объяснялась общим недомоганием и слабостью всего организма.

Осенью он не только не разжирел, как большинство медведей, но, наоборот, продолжал худеть. Живот у него ввалился, кашель делался все сильнее и сильнее, и однажды утром его нашли совсем больным и дрожащим в его постели у столба. Тогда Нора взяла его в дом, и с тех пор он остался на кухне.

На несколько дней в его здоровье, казалось, наступило улучшение, в нем пробудилось прежнее любопытство ко всему окружающему. Большое светлое пламя в кухонном очаге особенно привлекало его, и, когда открывали дверцы, он усаживался на задние лапы с выражением сосредоточенного внимания. Но через неделю он потерял интерес даже к этому зрелищу и со дня на день хирел все больше и больше. В конце концов что бы ни происходило около него, уже ничто не могло больше пробудить его былую любознательность.

Кашель его все усиливался, и он казался очень несчастным, за исключением тех минут, которые проводил на коленях у Норы. Тогда он ласкался к ней и разными способами выражал свою радость, но всякий раз принимался жалобно плакать, как только она отправляла его обратно в корзинку, служившую ему постелью.

За несколько дней до закрытия гостиницы Джонни впервые отказался от своего обычного завтрака и тихо скулил, пока Нора не взяла его к себе на колени. Он прижался к ней, но его нежное «ер-р-р, ер-р-р...» звучало все слабее и слабее, пока совсем не затихло. Через полчаса после того, как она уложила его обратно в корзинку и принялась за свою работу, маленький Джонни навсегда утратил стремление видеть и понимать все, что происходило вокруг него

ЧИНК

I

Чинк был уже таким большим щенком, что считал себя замечательной взрослой собакой, правда, замечательным он был, но совсем не таким, каким воображал. Он не был ни свиреп, ни даже внушителен с виду, не отличался ни силой, ни быстротой, но зато был одним из самых шумливых, добродушных и глупых щенков, какие когда-либо грызли сапоги своего хозяина. Его хозяином был Билл Обри, старый горец, живший в то время под горой Гáрнет, в Йеллоустонском парке. Это очень тихий уголок далеко в стороне от путей, излюбленных путешественниками. И то место, где Билл разбил свою палатку, можно было бы признать одним из самых уединенных человеческих обиталищ, если бы не мохнатый, вечно неугомонный щенок Чинк.

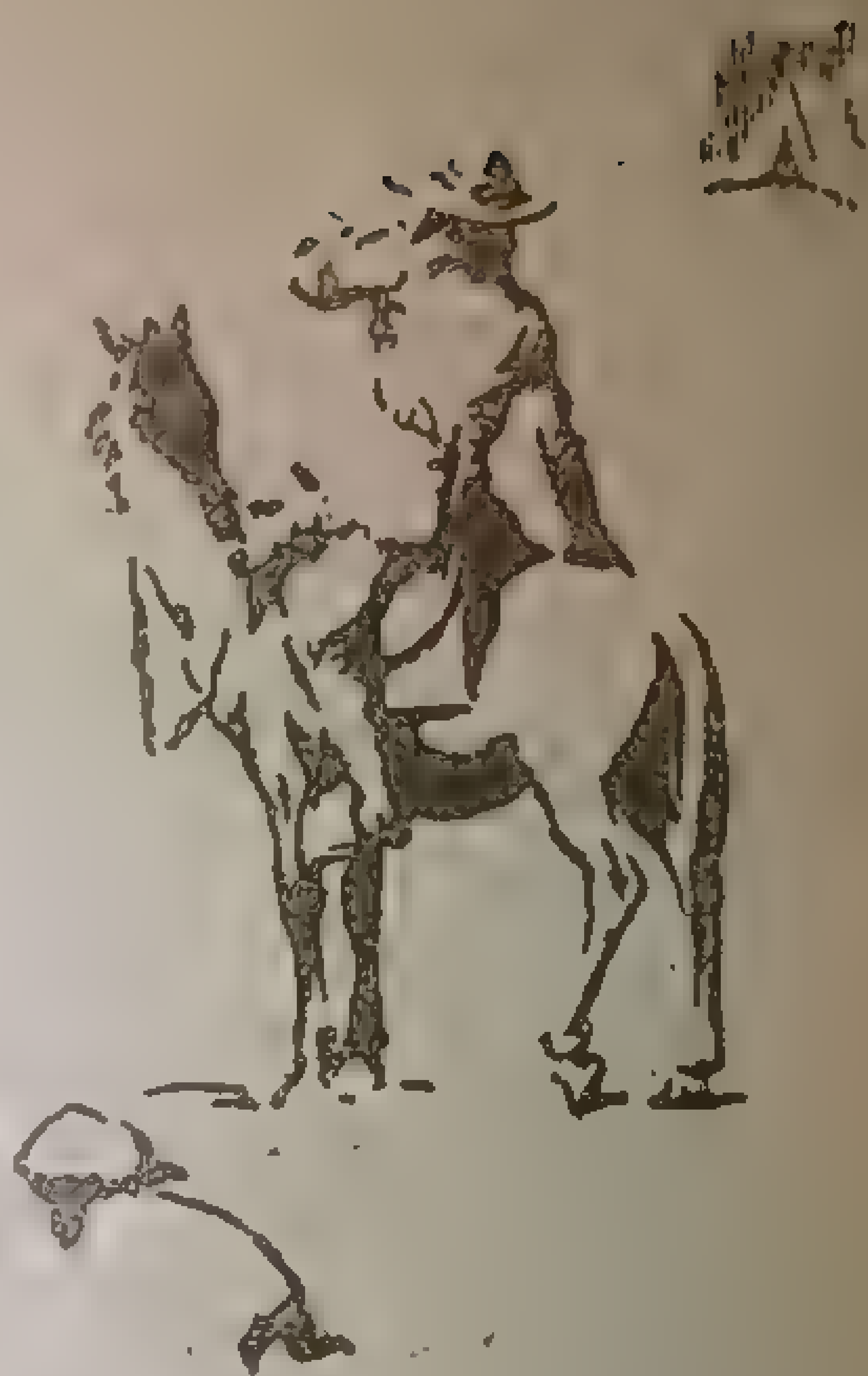
Чинк никогда не оставался спокойным хотя бы в течение пяти минут. Он охотно исполнял все, что ему велели, кроме одного: сидеть спокойно. Он постоянно пытался проделывать самые нелепые и невозможные штуки, а когда брался за что-нибудь обыкновенное и легкое, неизменно портил все дело какой-нибудь выходкой. Однажды, например, он провел целое утро в напрасных попытках вскарабкаться на высокую прямую сосну, в ветвях которой он увидел белку. В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать суслика.

Суслики во множестве жили вокруг палатки Билла. Эти маленькие животные имеют обыкновение усаживаться на задние лапы, выпрямившись и плотно сложив передние лапки на груди, благодаря чему издали их можно принять за колышки. Вечером, когда нам надо было привязать лошадей, мы нередко направлялись к какому-нибудь суслику, и ошибка выяснялась только после того, как суслик исчезал в норе с задорным писком.

Чинк в первый же день своего прибытия в долину решил непременно поймать суслика. Как это за ним водилось, он сразу же натворил много разных глупостей. Еще за четверть мили до суслика он припадал к земле и полз на брюхе от кочки до кочки не меньше ста шагов. Но скоро его возбу-

ждение достигало такой степени, что он, не стерпев, вскакивал на ноги, шел напрямик к суслику, который уже сидел возле норы, отлично понимая, что происходит. Через минуту Чинк бросался бежать, и именно тогда, когда ему следовало красться, он забывал всякую осторожность и с лаем бросался на врага. Суслик сидел неподвижно до самого последнего момента, затем, внезапно пискнув, нырял в нору, бросив задними лапками целую горсть песку прямо в открытую пасть Чинка.

День за днем проходил в таких бесплодных попытках. Однако Чинк не унывал, уверенный в том, что настойчивостью он своего добьется. Так оно и случилось.

В один прекрасный день он долго и тщательно подкрадывался к очень большому суслику, проделал все свои нелепые штуки, завершив их яростной атакой, и действительно схватил свою жертву — только на этот раз оказалось, что он охотился за деревянным колышком. Собака отлично понимает, что значит очутиться в дураках. Всякому, кто в этом сомневается, следовало бы посмотреть на Чинка, когда он в тот день смущенно прятался позади палатки, подальше от посторонних глаз.

Но эта неудача ненадолго охладила Чинка, который был от природы наделен не только пылкостью, но и порядочным упрямством. Ничто не могло лишить его бодрости. Он любил всегда двигаться, всегда что-нибудь делать. Каждый проезжающий фургон, каждый всадник, каждый пасущийся теленок подвергались его преследованию, а если ему на глаза попадалась кошка с соседнего сторожевого поста, он считал своим священным долгом перед солдатами, перед ней и перед самим собой гнать ее домой как можно скорее. Он готов был по двадцать раз на день бегать за старой шляпой, которую Билл обыкновенно забрасывал в осиное гнездо, командуя ему:

«Принеси!»

Понадобилось много времени, для того чтобы бесчисленные неприятности научили его умерять свой пыл. Но мало-помалу Чинк понял, что у фургонов есть длинные кнуты и большие злые собаки, что у лошадей на ногах есть зубы, что у телят есть матери, чьи головы снабжены крепкими дубинками, что кошка может оказаться скунсом, а осы – вовсе не бабочки. Да, на это понадобилось время, но в конце концов он усвоил все, что следует знать каждой собаке. И постепенно в нем стало развиваться зерно – пока еще маленькое, но живое зернышко собачьего здравого смысла.

II

Все нелепые промахи Чинка были словно воссоединены в нечто единое, и его характер обрел целостность и силу после промаха, увенчавшего их все, – после его стычки с большим койотом. Этот койот жил недалеко от нашего лагеря и, по-видимому, как и прочие дикие обитатели Йеллоустонского парка, прекрасно понимал, что находится под защитой закона, который запрещал здесь стрелять, охотиться и ставить ловушки или как-нибудь иначе вредить животным. К тому же он жил как раз в той части парка, где был расположен сторожевой пост и солдаты зорко следили за соблюдением закона.

Убежденный в своей безнаказанности, койот каждую ночь бродил вокруг лагеря в поисках отбросов. Сначала я находил только его следы, показывавшие, что он несколько раз обходил лагерь, но не решался подойти ближе. Потом он начал распевать свою заунывную песню тотчас после захода солнца или при первых проблесках утра. Я каждое утро выходил посмотреть, какие животные побывали около мусорного ведра в течение ночи. И наконец начал находить там следы койота. Осмелев еще больше, он стал иногда подходить к лагерю даже днем, сначала робко, затем с возрастающей самоуверенностью; наконец, он не только посещал нас каждую ночь, но и целыми днями держался поблизости от лагеря и то пробирался к палаткам, чтобы украсть что-нибудь съедобное, то восседал на виду у всех на соседнем пригорке.

Однажды утром, когда он таким образом сидел шагах в пятидесяти от лагеря, один из нашей компании в шутку сказал Чинку: «Чинк, ты видишь этого койота, который смеется над тобой? Пойди прогони его!»

Чинк всегда исполнял то, что ему говорили. Желая отличиться, он бросился в погоню за койотом, который пустился наутек.

Это было великолепное состязание в беге на протяжении четверти мили, но оно и в сравнение не шло с тем, которое началось, когда койот повернул и бросился на своего преследователя. Чинк сразу сообразил, что ему несдобровать, и во всю прыть пустился к лагерю. Но койот бегал быстрее и скоро настиг щенка. Куснув его в один бок, потом в другой, он всем своим видом выразил полное удовольствие.

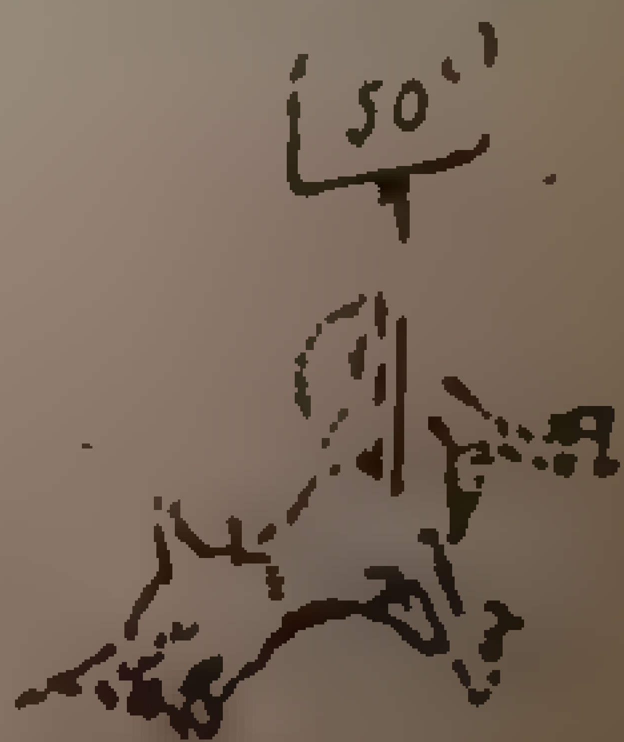
Чинк с визгом и воем мчался что было мочи, а его мучитель преследовал его без передышки до самого лагеря. Стыдно сказать, но мы смеялись над бедным псом заодно с койотом, и Чинк так и не дождался сочувствия. Еще одного такого опыта, только в меньших размерах, оказалось вполне достаточно для Чинка: с тех пор он решил оставить койота в покое.

Но зато сам койот нашел себе приятное развлечение. Теперь он каждый день слонялся около лагеря, великолепно зная, что никто не осмелится в него стрелять. К тому же замки всех наших ружей были опечатаны правительственным агентом, а кругом была охрана.

Койот следил за Чинком и выискивал возможность его помучить. Щенок знал теперь, что, стоит ему отойти на сто шагов от лагеря, койот окажется тут как тут и начнет кусать и гнать его назад до самой палатки хозяина.

Это продолжалось изо дня в день, и наконец жизнь Чинка превратилась в сплошное мучение. Он больше уже не смел отходить один на пятьдесят шагов от палатки. И даже когда он сопровождал нас во время наших поездок по окрестностям, этот нахальный и злобный койот следовал за нами по пятам, выжидая случая поиздеваться над бедным Чинком, и портил ему все удовольствие прогулки.

Билл Обри перенес свою палатку на милю от нас выше по течению реки, и койот почти перестал посещать наш лагерь, так как переселился на такое же расстояние вверх по течению. Как всякий хулиган, не встречающий противодействия, он становился день ото дня нахальнее, и Чинк постоянно испытывал величайший страх, над которым его хозяин только подсмеивался.

Свой переезд Обри объяснил необходимостью отыскать лучшее пастбище

для лошади, но вскоре выяснилось, что он просто искал одиночества, чтобы без помехи распить бутылку водки, которую где-то раздобыл. А так как одна бутылка не могла его удовлетворить, то на другой же день он оседлал коня и, сказав: «Чинк, охраняй палатку!», — ускакал через горы к ближайшему кабаку. И Чинк послушно остался, свернувшись клубочком у входа в палатку.

III

При всей своей щенячьей глупости Чинк был сторожевым псом, и его хозяин знал, что он будет исправно исполнять свои обязанности по мере сил.

Во второй половине этого дня один проезжавший мимо горец остановился, по обычаю, на некотором расстоянии от палатки и крикнул:

— Послушай, Билл! Эй, Билл!

Но, не получив ответа, он направился к палатке и был встречен Чинком самым подобающим образом: шерсть его ощетинилась, он рычал, как взрослая собака. Горец понял, в чем дело, и отправился своей дорогой.

Настал вечер, хозяин все еще не возвращался, а Чинка начал мучить сильный голод. В палатке лежал мешок, а в мешке было немного копченой грудинки. Но хозяин приказал Чинку стеречь его имущество, и Чинк скорее издох бы с голоду, чем притронулся к мешку.

Терзаемый голодом, он осмелился наконец покинуть свой пост и стал бродить невдалеке от палатки в надежде поймать мышь или найти что-нибудь съедобное. Но тут на него внезапно напал его мучитель койот и заставил бежать обратно к палатке.

Но там в Чинке произошла перемена. Он помнил о своем долге, и это придало ему силы, подобно тому как крик котенка превращает робкую кошку-мать в яростную тигрицу. Он был еще только щенком, глуповатым и неловким, но в нем жил твердый характер, который должен был развиться с годами. Когда койот попытался последовать за ним в палатку — палатку его хозяина, — Чинк забыл свои страхи и набросился на врага, грозный, словно маленький демон.

Всякий зверь знает, когда он прав, а когда не прав. Моральное преимущество было на стороне испуганного щенка, и койот попятился, злобно рыча и обещая разорвать щенка на куски, но все-таки не осмелился войти в палатку.

И началась настоящая осада. Койот возвращался каждую минуту. Расхаживая вокруг, он скреб землю задними лапами в знак презрения и вдруг опять направлялся прямо ко входу в палатку, а бедный Чинк, полумертвый от страха, мужественно защищал имущество, вверенное его охране.

Все это время Чинк ничего не ел. Раза два в течение дня ему удалось выбежать к протекавшему рядом ручью и напиться, но он не мог так же быстро раздобыть себе пищу. Он мог бы прогрызть мешок, лежавший в палатке, и поесть грудинки, но он не смел тронуть то, что ему доверили охранять. Он мог бы, наконец, улучить минуту и, оставив свой пост, сбегать в наш лагерь, где, конечно, его бы хорошо накормили. Но нет, беда превратила его в настоящего сторожевого пса, и он должен был оправдать доверие хозяина во что бы то ни стало; был готов, если нужно, умереть на своем посту, в то время как его хозяин пьянствовал где-то за горой.

Четыре мучительных дня и четыре ночи провел этот маленький героический пес, почти не сходя с места и стойко охраняя палатку и хозяйское добро от койота, которого смертельно боялся.

На пятый день утром старый Обри протрезвился и вспомнил, что он не у себя дома, а его лагерь в горах оставлен им на попечение щенка. Он уже устал от беспробудного пьянства и поэтому сразу оседлал коня и направился в обратный путь. На полдороге в его затуманенной голове мелькнула мысль, что он оставил Чинка без всякой еды.

«Уж, наверное, от грудинки ничего не осталось», – подумал он и погнал лошадь быстрее. Он доехал до гребня горы и увидел палатку, а у входа, ощетинившись и рыча друг на друга, стояли большой злобный койот и бедный маленький Чинк.

— Ах, чтоб меня! – воскликнул Обри смущенно. – Я же совсем забыл про этого проклятого койота. Бедняге Чинку пришлось туго, и как этот койот еще не разорвал его на куски, да и палатку в придачу.

Да, мужественный Чинк, быть может, в последний раз выдерживал натиск врага. Его ноги дрожали от страха и голода, но он все еще принимал самый воинственный вид и, без сомнения, готов был умереть, защищая свой пост.

Биллу Обри с первого взгляда все стало ясно, а когда он подскакал к палатке и увидел нетронутый мешок с грудинкой, то понял, что Чинк ничего не ел с самого дня его отъезда. Щенок, дрожа от страха и усталости, подполз к нему,

заглянул ему в лицо и стал лизать руку, как бы желая сказать: «Я сделал то, что ты мне велел, хозяин». Старик Обри не выдержал: в его глазах стояли слезы, когда он торопливо доставал еду маленькому герою.

Затем он повернулся к нему и сказал:

– Чинк, старый друг, я тебя подвел, а ты меня никогда не подводил, и уж если я отправлюсь погулять, то обязательно возьму тебя с собой. Не знаю, чем тебя порадовать, друг, раз ты не пьешь водки. Вот разве я избавлю тебя от твоего самого большого врага!

Он снял с шеста посреди палатки свою гордость – дорогой магазинный карабин. Не думая о последствиях, он сломал казенную печать и вышел за дверь.

Койот по обыкновению сидел невдалеке, скаля зубы в ехидной усмешке. Но прогремел выстрел, и страхи Чинка кончились.

Подоспевшие сторожа обнаружили, что нарушен закон об охране парка, что старый Обри застрелил одного из его диких обитателей. Его карабин был отнят и уничтожен, и он вместе со своим четвероногим другом был позорно изгнан из парка и лишен права вернуться под угрозой тюремного заключения.

Но Билл Обри ни о чем не жалел.

– Ладно! – сказал он. – Должен же я был помочь своему товарищу, который никогда меня не подводил.

ЛОБО

I

Большая скотоводческая область в северной части Нью-Мексико называется Куррýмпо. Это край богатых пастбищ, огромных стад, высоких холмов и прозрачных, но немногочисленных потоков, впадающих в реку Куррумпо, которая и дала название всей местности. И властелином края был старый серый волк.

Старый Лóбо был гигантским вожаком стаи серых волков, опустошавших долину Куррумпо в течение долгих лет. Все пастухи и скотоводы хорошо знали его, и, где бы он ни появлялся со своей верной стаей, там воцарялся ужас и владельцы стад приходили в отчаяние. Старый Лобо был волк-великан, а его хитрость и сила соответствовали его росту. Его ночной вой был хорошо известен всем местным жителям, которые узнавали его сразу. Обыкновенный волк мог часами выть вблизи пастушьего лагеря, не привлекая к себе внимания, но, когда в ущелье раздавался громкий рев старого вожака, пастухами овладевало беспокойство, и они знали, что утром им придется узнать о новых опустошениях в стадах.

Стая Лобо была невелика. Я никак не мóг понять почему. Обыкновенно вокруг такого выдающегося вожака собирается значительная свита. Но может быть, Лобо не хотел водить большую стаю, а может быть, ее увеличению препятствовал свирепый нрав. Несомненно одно: в последние годы жизни Лобо его стая состояла всего лишь из пяти волков, однако каждый из них пользовался известностью и отличался огромными размерами. Один из них, помощник Лобо, был настоящим гигантом. Но даже он далеко уступал Лобо в силе и проворстве.

Остальные волки этой стаи тоже обладали своими особенностями. Одного из них, красивого белого волка, мексиканцы назвали Бланкой, полагая, что это волчица и, вероятно, подруга Лобо. Другой, желтый волк, отличался быстротой бега и, по рассказам, не раз догонял быстроногую антилопу.

Жизнь этих волков была тесно связана с жизнью скотоводов, которые рады были бы их уничтожить. Любой скотовод отдал бы многих молодых быков за скальп любого волка из стаи Лобо. Но убить их не удавалось никакими

способами. Они точно насмехались над охотниками, презирали всякую отраву и продолжали, по крайней мере в течение пяти лет, взимать дань со скотоводов Куррумпо по одной корове каждый день. Следовательно, эти волки по самому скромному подсчету истребили более двух тысяч животных, а к тому же они всегда выбирали самых лучших из всего стада.

Старинное убеждение, что волк постоянно голоден и готов пожирать все, что угодно, в данном случае никак не соответствовало истине, так как эти хищники были толсты, упитанны и отличались большой разборчивостью в еде. Они никогда не прикасались к животному, умершему естественной смертью, больному или хилому и даже пренебрегали теми, которых убивал пастух. Обычно они выбирали себе на обед самую нежную часть только что убитой ими годовалой телки. Старым быком или коровой они брезговали. Известно также, что они не любили баранины, хотя частенько убивали овец ради забавы. Однажды ночью в ноябре 1893 года Бланка и желтый волк растерзали двести пятьдесят овец и даже не попробовали их мяса.

Я мог бы привести еще много таких же рассказов о разорительных набегах этой стаи. Ежегодно в ход пускались всевозможные новые средства для их истребления, но они продолжали жить и благоденствовать, несмотря на все усилия и ухищрения своих врагов.

За голову Лобо была назначена огромная премия, и для него всюду разбрасывались отравленные приманки, но он всегда угадывал присутствие яда и оставался цел. Одного он только боялся – огнестрельного оружия. Зная, что все жители этой области носят с собой ружья, Лобо никогда не нападал на человека и старался не встречаться с ним. У стаи было правило тотчас же обращаться в бегство, едва только кто-нибудь замечал днем человека, как бы далеко тот ни был в ту минуту. Лобо позволял своей стае употреблять в пищу лишь тех животных, которые были убиты ими самими, и это было спасением для них. Его тонкое чутье давало ему возможность тотчас же обнаружить прикосновение человеческих рук и присутствие отравы и оберегать стаю.

Однажды один ковбой услышал слишком хорошо ему знакомый призывный вой старого Лобо и, прокравшись в ту сторону, увидел, что стая окружила небольшое стадо коров. Лобо сидел в стороне на пригорке, а Бланка вместе с остальными волками старалась отогнать в сторону телку, которую они облюбовали себе на обед. Но стадо сбилось

в одну плотную массу и стояло головами наружу, выставив навстречу врагу сплошной ряд рогов.

В конце концов Лобо потерял терпение и, покинув пригорок, с глухим ревом бросился к стаду.

Перепуганные животные расступились перед ним, и он вскочил в середину стада. Коровы кинулись во все стороны, точно осколки разорвавшейся бомбы. Намеченная жертва тоже бросилась бежать, но не успела она сделать и двадцати пяти шагов, как Лобо настиг ее. Схватив телку за шею, он внезапно остановился, напрягая все силы, и телка повалилась на землю. Рывок был так силен, что телка перекувырнулась вверх ногами. Лобо тоже упал, но тотчас же вскочил на ноги. Остальные волки бросились на бедную телку и покончили с ней в несколько секунд. Лобо не принимал в этом никакого участия. Швырнув на землю свою жертву, он точно сказал другим волкам: «Отчего никто из вас не сделал этого раньше, вместо того чтобы понапрасну терять время?»

Ковбой, видевший все это, с громким криком поскакал на них, и волки разбежались. Он вынул бутылочку со стрихнином, быстро в трех местах отравил тушу мертвой телки и удалился, зная, что волки непременно вернутся съесть телку, раз они ее сами убили. Но когда на следующее утро он пришел взглянуть на свои предполагаемые жертвы, то увидел, что волки хотя и ели телку, но при этом тщательно отделили и выбросили все отравленные части.

Страх перед огромным волком распространялся среди скотоводов все больше и больше, и награда, назначенная за голову Лобо, ежегодно увеличивалась, пока не достигла наконец тысячи долларов — еще небывалой цены за убитого волка.

Соблазненный такой наградой, техасский охотник Теннерей прискакал однажды в ущелье Куррумпо. Он был превосходно снаряжен для волчьей охоты, располагал отличнейшими ружьями, отличными лошадьми и сворой огромных волкодавов. У себя в Техасе он вместе со своими

собаками истребил немало волков и потому нисколько не сомневался, что через несколько дней скальп старого Лобо будет болтаться на луке его седла.

И вот он ранним летним утром, едва рассвело, отважно отправился на охоту, и вскоре большие собаки веселым лаем возвестили, что напали на след добычи. Не пробежали они и двух миль, как впереди замелькала прославленная стая Лобо, и погоня стала еще яростнее, еще неистовее. Собаки-волкодавы должны были только задержать волков, пока не подоспеет охотник и не перестреляет их. Это нетрудно сделать на открытых равнинах Техаса, но тут условия были иные. Старый Лобо хорошо умел выбрать местность. Скалистые ущелья реки Куррумпо и ее притоков пересекали равнину во всех направлениях. Старый волк тотчас же отправился в ближайшее из этих ущелий и, перебравшись через поток, ушел от охотника. Его стая разбежалась в разные стороны, а вслед за волками разбежались и собаки. Затем волки опять собрались вместе и, воспользовавшись тем, что часть собак отстала, разделались с остальными. Когда Теннерей вечером стал сзывать своих собак, то вернулось только шестеро, и из них две были сильно изранены. Однако охотник все-таки не отказался от своего намерения и сделал еще две попытки овладеть скальпом Лобо, но столь же безуспешно. Последняя попытка стоила жизни его лучшей лошади, которая упала и разбилась насмерть. Тогда он, отчаявшись в успехе, вернулся в Техас, предоставив Лобо по-прежнему деспотически властвовать в Куррумпо.

На следующий год явились еще два охотника, соблазненные заманчивой наградой.

Каждый думал, что именно ему удастся справиться с этим знаменитым волком.

Один из них надеялся достигнуть этого с помощью новоизобретенной отравы и особого способа располагать приманку. Другой, француз из Канады, тоже хотел применить отраву, но, кроме того, намеревался присоединить к ней заклинания, так как был твердо уверен, что Лобо не простой волк, а оборотень, и потому его нельзя убить обычными средствами.

Однако никакие искусно приготовленные яды, никакие чары и заклинания не могли одолеть серого хищника. Он по-прежнему совершал свои еженедельные обходы и ежедневно пировал. Вскоре охотники, отчаявшись, отказались от дальнейших попыток и отправились охотиться в другие края.

Ферма Джо Калóна была расположена на одном из маленьких притоков Куррумпо, в живописном ущелье среди скал.

Всего в какой-нибудь тысяче ярдов от дома Лобо со своей подругой устроили логовище и вырастили детенышей.

Они прожили там все лето, истребляя коров, овец и собак Джо, точно смеясь над всеми его ухищрениями, над его отравами и западнями. Они жили в полной безопасности среди пещер и скал, а Джо ломал себе голову, стараясь придумать, как выкурить их оттуда или уничтожить с помощью динамита. Но они остались целы и невредимы и продолжали свои набеги, как и раньше.

– Вот где Лобо прожил нынешнее лето,– сказал Джо, указывая мне на каменистый обрыв.– А я ничего не мог с ним поделать. Он морочил меня, как хотел.

II

Рассказы ковбоев не возбуждали во мне особого доверия, пока осенью 1893 года я не познакомился сам с этим лукавым разбойником и не узнал его лучше, чем другие.

За несколько лет до этого, когда был еще жив Бинго, я занимался охотой на волков. Но с тех пор род моих занятий изменился, и я оказался прикованным к стулу и к письменному столу. Я очень нуждался в перемене образа жизни, и, когда один мой приятель, хозяин фермы в Куррумпо, пригласил меня приехать к нему и попробовать, не справлюсь ли я как-нибудь с этой разбойничьей стаей, я тотчас же принял приглашение.

В первые дни я много ездил верхом, чтобы ознакомиться с местностью. Мой проводник по временам указывал мне на кости какой-нибудь коровы, еще покрытые остатками шкуры, и замечал при этом: «Вот его работа!»

Мне стало ясно, что среди этих холмов и ущелий нечего и думать преследовать Лобо с собаками и лошадьми. Единственными пригодными средствами поэтому оставались капканы и отрава.

Не стану вдаваться в подробности и описывать всевозможные способы и ухищрения, к которым я прибегал, чтобы перехитрить этого «волка-оборотня». Не было такой смеси стрихнина, мышьяка и цианистого калия, которую я не испробовал бы как отраву для Лобо. Не было ни одного сорта мяса, которое я не употреблял бы как приманку. Но каждый день, отправляясь утром узнать о результатах,

я убеждался, что все мои усилия оказывались бесплодными. Старый волк был слишком хитер, и я не мог его перехитрить.

Достаточно привести один пример, чтобы доказать его удивительную сообразительность.

По совету одного старого охотника я растопил немного сыру вместе с почечным жиром только что убитой телки; сыр я варил в фарфоровой миске и резал костяным ножом, чтобы избежать металлического запаха. Когда смесь остыла, я разделил ее на куски и, сделав отверстие в каждом куске, вложил туда большую дозу стрихнина и цианистого калия, заключенную в капсулу, не пропускающую никакого запаха. Затем я закупорил дыры сыром. Во время этой работы я не снимал перчаток, смоченных в теплой крови телки, и даже старался не дышать на приманку. Когда все было готово, я положил приманку в мешок из сыромятной кожи, тоже весь вымазанный кровью, и поехал верхом, волоча за собой на веревке печень и почки телки. Я сделал круг в десять миль, бросая через каждые четверть мили по куску приманки, тщательно избегая при этом прикасаться к ней руками.

Лобо появлялся в этой местности в начале каждой недели, а остальное время проводил, по-видимому, где-нибудь около подножия Сьерра Гранде.

Дело было в понедельник, и в тот самый вечер, когда мы уже собирались уезжать, я услыхал басистый вой. Один из ковбоев коротко заметил:

– А, вот и он! Теперь посмотрим, что будет.

На следующее утро я с зарей отправился в путь, желая поскорее узнать результаты моей хитрости. Я быстро напал на следы стаи, которую вел Лобо, его след всегда можно было легко отличить, так как он был значительно крупнее следа обычного волка.

Волки скоро почуяли приманку, которую я волочил за собой. Я убедился, что Лобо подошел к первому куску, обнюхал его и в конце концов взял и проглотил.

Тут я не мог скрыть своей радости.

– Наконец-то он попался! – воскликнул я. – Скоро я увижу его мертвым.

И я поскакал вперед, не сводя глаз с больших следов, оставленных его лапами в пыли. Они довели меня до того места, где я бросил вторую приманку, и я увидел, что она тоже исчезла.

Как я ликовал при этом!

Теперь он попался! И вероятно, еще несколько других волков из его стаи.

Но широкий след его лап не исчезал с дороги, и, хотя я поднимался на стременах и осматривал всю равнину, я нигде не мог разглядеть мертвого волка.

Я поехал дальше по его следу и увидел, что третья приманка тоже исчезла, а след вел дальше, к четвертой. И тут я убедился, что Лобо не проглотил ни одной из них, а только тащил их в своей пасти и затем, сложив в кучу, загрязнил их нечистотами, чтобы выразить свое полное презрение к моей хитрости. Сделав это, он свернул в другую сторону, уводя за собой стаю, которую оберегал так бдительно...

Я рассказал только один из многих подобных же случаев, убедивших меня, что с этим разбойником нельзя справится посредством отравы. Я выписал капканы и, ожидая их прибытия, занялся истреблением койотов и других хищных обитателей прерий.

Однажды мне пришлось наблюдать еще один случай, доказавший поразительное лукавство Лобо. Волки его стаи нередко ради одного только развлечения распугивали и убивали овец, которых почти никогда не пожирали. Овец обыкновенно пасут стадами в несколько тысяч голов. На ночь их загоняют в защищенное место где-нибудь по соседству, и с каждой стороны стада ночует пастух. Овцы настолько бестолковы, что малейший пустяк заставляет их бросаться куда попало, но все же у них существует твердо укоренившаяся привычка всегда следовать за своим вожаком. Пастухи используют эту привычку и пускают в овечье стадо несколько козлов. Овцы признают превосходство ума своих бородатых родичей и, если ночью возникает тревога, собираются вокруг козлов.

Однажды ночью в конце ноября два пастуха были разбужены нападением волков. Все стадо сбилось вокруг козлов, которые не отличались ни тупостью, ни трусливостью и храбро оставались на месте. Но увы! этим нападением руководил не простой волк. Старый Лобо, «волк-оборотень», знал не хуже пастухов, что моральную силу стада состав-

вляют именно козлы, и поэтому, быстро проскочив по спинам тесно скучившихся овец, бросился на их вожаков и мгновенно покончил с ними. Злополучные овцы тотчас же разбежались во все стороны.

В течение многих недель после этого ко мне почти ежедневно обращался какой-нибудь встревоженный пастух:

– Не встречались ли вам где-нибудь заблудившиеся овцы с клеймом «ОТО»?

И почти всегда мне приходилось отвечать:

– Да, я наткнулся на пять или шесть овечьих трупов у Бриллиантового источника.

Или:

– Нет, я не видал, но Хуан Мейер два дня назад видел около двадцати только что зарезанных волками овец на Кедровом холме.

Наконец прибыли овечьи капканы, и я проработал с двумя помощниками целую неделю, чтобы установить их. Мы не жалели трудов и усилий, и я прибегал ко всем уловкам, которые, как мне казалось, могли обеспечить успех. На следующий день, после того как были поставлены капканы, я поехал осматривать их и скоро напал на след Лобо, который вел от одного капкана к другому. По этим следам я прочел всю историю его ночных похождений.

Он рыскал в темноте и, хотя капканы были тщательно запрятаны, сразу же обнаружил первый из них. Остановив стаю, он начал старательно разгребать землю вокруг, пока не отрыл капкан, а также цепь и бревно. Затем он отправился дальше, проделывая то же самое с другими капканами. Вскоре я заметил, что он останавливался и сворачивал в сторону, как только подмечал на дороге что-нибудь подозрительное.

Тут мне пришел в голову новый план: я поставил капканы в виде буквы «Н», то есть расположил их в ряд с каждой стороны тропы, а один капкан поместил посередине, чтобы он служил перекладиной для этой буквы. Но мне пришлось долго ждать, чтобы убедиться в новой неудаче. Лобо отправился по тропе и находился уже между двумя параллельными рядами капканов, когда заметил единственный капкан, спрятанный на самой тропе. Он остановился вовремя.

Как и почему он догадался, в чем дело, я не знаю. Во всяком случае Лобо не свернул ни вправо, ни влево, а медленно и осторожно попятился, стараясь ставить каждую лапу на свой прежний след, пока не выбрался из опасного ме-

ста. Затем, обойдя капканы с другой стороны, он стал скрести задними ногами камни и комья земли, пока не захлопнул все капканы.

То же самое он проделывал и во многих других случаях, и как ни разнообразил я свои способы, он всегда уходил невредимым. Вероятно, он и до сих пор продолжал бы свои опустошения, если бы не злополучная привязанность, которая привела его к погибели и прибавила его имя к длинному списку героев, которые в одиночку были непобедимы и погибли лишь из-за неосторожности товарища, которому доверяли.

III

По некоторым признакам я заметил, что в стае Лобо происходит что-то странное. Например, временами следы показывали, что впереди старого вожака бежал другой, небольшой волк. Для меня это было непонятно. Но как-то раз один из ковбоев сказал мне:

– Я видел их сегодня. Бежит впереди и своевольничает Бланка.

Тут мне стало все ясно, и я добавил:

– Значит, Бланка – действительно волчица, потому что с волком Лобо немедленно разделался бы за такую дерзость.

Это навело меня на новую мысль. Я зарезал телку и поставил около ее трупа два хорошо заметных капкана. Затем, отрубив голову, которая считается никуда не годной частью, недостойной внимания волков, я положил ее немного поодаль, а вокруг нее поставил, хорошо замаскировав, шесть мощных стальных капканов, выветренных так, что не оставалось никакого запаха. Во время этой работы мои руки, обувь и все инструменты были вымазаны свежей кровью. Я обрызгал кровью также и землю кругом, точно эта кровь вытекала из головы. Когда капканы были закопаны, я прикоснулся к песку над капканами шкурой койота, а его лапой наделал множество следов вокруг. Голову я положил так, что между нею и кустарником был лишь узкий проход. В этом проходе я поставил свои лучшие капканы, прикрепив их к самой голове.

Волки имеют привычку подходить к каждому трупу, который они почуяли, хотя бы у них и не было намерения съесть его; и я надеялся, что благодаря этой привычке стая Куррумпо попадется в мою ловушку. Я нисколько не сомне-

вался, что Лобо откроет мою проделку с мясом и не допустит к нему стаю. Но я все же надеялся на голову, которая имела такой вид, точно она была отброшена в сторону как вещь совершенно бесполезная.

На следующее утро я прежде всего отправился осматривать капканы. И вот – о радость! – там были ясно видны следы волков, и место, где лежала голова с капканами, было пусто. Поспешно осмотрев следы, мы убедились, что Лобо действительно не пустил свою стаю к мясу, но один небольшой волк, очевидно, подошел обнюхать голову, брошенную в стороне, и сразу попал в капкан.

Мы отправились по следу и через милю увидели, что этим злополучным волком была Бланка. Завидев нас, она бросилась бежать, и, хотя ей страшно мешала тяжелая голова телки, она двигалась быстрее моего спутника, который шел пешком. Но мы все же настигли ее у скал, так как рога телки прочно зацепились за камни.

Никогда я еще не видел такой красивой волчицы, как Бланка. Ее ровная, густая шерсть была почти совершенно белого цвета.

Она повернулась, готовая вступить с нами в бой, и завыла. Это был протяжный, призывной вой. И вот с далекого холма донесся ответный вой старого Лобо. Но это был ее последний зов, потому что мы уже подбежали к волчице и ей были нужны все ее силы, чтобы защищаться.

Затем последовала неизбежная трагедия, воспоминание о которой не раз заставляло меня впоследствии содрогаться. Мы оба набросили по лассо на шею злополучной волчицы и погнали лошадей в противоположные стороны. У нее хлынула кровь из пасти, глаза остановились, лапы вытянулись и бессильно повисли. Мы отправились домой, увозя мертвую волчицу и радуясь, что нам удалось наконец нанести первый смертельный удар стае Лобо.

По временам мы слышали вой Лобо. Он бродил по холмам, должно быть, разыскивал Бланку. Он не хотел ее покинуть, но, понимая, что уже не в состоянии ее спасти, не мог преодолеть свой страх перед огнестрельным оружием.

Весь день мы слышали его жалобный вой, и я сказал одному из ковбоев:

– Теперь я уже не сомневаюсь, что Бланка действительно была его подругой.

К вечеру Лобо, очевидно, направился к нашему ущелью, так как его голос звучал все ближе и ближе. В этом голосе слышалось горе. Он выл не яростно, как прежде, а протяжно

и жалобно. Он как будто звал свою подругу: «Бланка, Бланка!» В конце концов он, должно быть, напал на наш след и, когда достиг того места, где она была убита, издал душераздирающий жалобный вой. Раньше я никогда не думал, что мне так тяжело будет слушать его. Даже суровые ковбои удивлялись этому горестному вою.

Лобо прекрасно понял, что произошло, так как земля там была забрызгана кровью Бланки. По следам лошадей он дошел до самой фермы. Быть может, он надеялся найти там Бланку или хотел отомстить, я не знаю. Но во всяком случае мщение ему удалось: он настиг за воротами нашу сторожевую собаку и разорвал ее на клочки в пятидесяти шагах от фермы. Очевидно, он приходил на этот раз один, потому что утром я нашел только его след. Судя по этому следу, он метался вокруг фермы, совсем забыв про осторожность. Я рассчитывал на это и потому наставил по всему пастбищу множество добавочных капканов. Впоследствии я убедился, что Лобо попался в один из них, но он был так силен, что ему удалось вырваться из капкана.

Я предполагал, что Лобо будет рыскать по соседству, пока не найдет труп Бланки; поэтому я употребил все старания, чтобы захватить его, прежде чем он успокоится. Тут я понял, что сделал большую ошибку, умертвив Бланку: воспользуйся я ею как живой приманкой, я захватил бы его в первую же ночь. Я собрал все капканы, какие только мог. У меня набралось сто тридцать крепких стальных волчьих капканов, и я расставил их по четыре на каждой тропе, ведущей к ущелью. Каждый капкан был отдельно прикреплен к бревну, и каждое бревно отдельно засыпано землей. Зарывая их, я аккуратно снимал дерн и клал на брезент так, чтобы потом, когда дерн был положен на место и все было закончено, не оставалось никаких признаков человеческой деятельности.

Когда капканы были спрятаны, я проволок между ними труп бедной Бланки. Потом я отрезал одну из ее лап и проложил линию следов поверх каждого капкана. Я принял все предосторожности, прибегнул ко всем известным мне уловкам и наконец поздно вечером удалился. Ночью мне показалось, что я услыхал голос Лобо, но я не был в этом уверен. На следующий день я поехал верхом, но темнота наступила раньше, чем я успел объехать Северное ущелье, и я вернулся ни с чем. За ужином один из ковбоев сказал:

— Сегодня утром скот в Северном ущелье был чем-то встревожен. Уж не попался ли кто-нибудь в капкан?

Только на следующий день под вечер я наконец добрался до указанного места и, подъехав ближе, увидел, что какая-то большая серая тень поднялась с земли, напрасно пытаясь убежать. Передо мной стоял Лобо, гроза Куррумпо. Капканы крепко держали его. Бедный старый герой! Он не переставал искать свою любимую и, когда нашел след, проложенный ее телом, безрассудно бросился по этому следу и попал в ловушку. Четыре железных тиска держали четыре его лапы.

Он лежал совершенно беспомощный, а множество следов вокруг указывали, что тут собирался скот, чтобы поглумиться над павшим деспотом, не решаясь, однако, приблизиться к нему.

Два дня и две ночи он пролежал там и теперь совсем обессилел. Тем не менее, когда я приблизился к нему, он поднялся, ощетинился и в последний раз потряс стены ущелья, издав громкий, протяжный вой, призывавший на помощь стаю. Но никто не откликнулся, не ответил ему, и, покинутый в час бедствия, он отчаянно рванулся, пытаясь броситься на меня. Все было напрасно! Каждый капкан весил более трехсот фунтов, и стальные челюсти крепко держали все четыре лапы волка. Как скрежетали его огромные клыки, когда он хватал ими твердые цепи! А когда я попробовал прикоснуться к нему стволом ружья, он оставил на нем следы зубов, сохранившиеся и до сих пор. Его глаза потемнели от ненависти и злобы, и его челюсти глухо щелкали, когда он старался схватить зубами меня и мою дрожавшую от страха лошадь. Но он ослабел от голода и потери крови и скоро упал в изнеможении на землю. Что-то вроде сожаления шевельнулось в моей душе, когда я собрался поступить с ним так, как он поступал с другими.

– Великий старый хищник, герой многочисленного множества беззаконных набегов, – сказал я, обращаясь к нему, – через несколько минут ты превратишься в груду падали. Но иначе я не могу поступить.

Я взмахнул лассо, и оно просвистело над его головой. Но не тут-то было! Он далеко еще не покорился, и не успела гибкая петля упасть ему на шею, как он схватил ее зубами и сразу перекусил крепкие, толстые пряди и бросил их к своим ногам.

Конечно, у меня было ружье, но мне не хотелось портить его великолепную шкуру. Поэтому я поскакал назад в лагерь и вернулся с ковбоем и новым лассо. Мы бросили своей жертве кусок дерева, который он схватил зубами, и,

прежде чем Лобо успел выпустить его, наши лассо просвистели в воздухе и обвились вокруг его шеи. Но когда свирепые глаза Лобо начали тускнеть, я крикнул своему помощнику:

– Погоди, не будем убивать его! Возьмем его живьем и отвезем в лагерь.

Он настолько обессилел, что нам нетрудно было просунуть ему в пасть толстую палку позади клыков и обмотать челюсти толстой веревкой, привязанной к палке. Палка удерживала веревку, а веревка – палку, и, таким образом, он был совершенно безопасен для нас. Как только он почувствовал, что его челюсти крепко связаны, он уже больше не сопротивлялся и не издал ни одного звука, а лишь спокойно смотрел на нас, точно хотел сказать нам: «Хорошо. Вы наконец одолели меня, так делайте со мной теперь что хотите!..»

И с этой минуты он уже больше не обращал на нас никакого внимания.

Мы крепко связали ему ноги, но он не издал при этом ни одного стона, ни разу не завыл и не повернул головы. Затем мы с большим трудом взвалили его на мою лошадь. Он дышал ровно и спокойно, как во сне, и глаза его снова стали ясными и блестящими. Но на нас они не смотрели. Взор его был устремлен вдаль, на холмы, по которым теперь разбрелась его знаменитая стая.

Мы не торопились и благополучно достигли фермы. Там, надев на Лобо ошейник с крепкой цепью, мы привязали его на нашем пастбище и освободили от веревок.

Тут я в первый раз как следует рассмотрел его и убедился, как мало можно доверять сплетням о еще живых героях или тиранах. На шее Лобо не оказалось золотого ошейника, а на плечах – перевернутого креста, свидетельствовавшего о том, что он заключил союз с дьяволом. Зато я увидел у него на боку большой, широкий рубец, след, который Юнона – вожак своры Теннерея – оставила за миг перед тем, как он бросил ее бездыханной на песок ущелья.

Я поставил перед волком воду и мясо, но он и не взглянул на них. Он лежал спокойно на животе, устремив пристальный взгляд желтых глаз мимо меня, ко входу в ущелье, и дальше, в прерию, где он царствовал. Он даже не шевельнулся, когда я дотронулся до него. И когда солнце зашло, он все еще продолжал пристально смотреть туда же, в прерию. Я ждал, что ночью он станет призывать свою стаю, и даже приготовился к этой встрече. Но он уже

однажды призывал ее в минуту отчаяния, и тогда никто не явился. Больше он не захотел звать.

Говорят, что лев, лишившийся своей силы, орел, потерявший свободу, и голубь, разлученный с подругой, умирают от разбитого сердца. И разве можно было думать, что сердце этого свирепого хищника вынесет тройное испытание? Он потерял и силу, и свободу, и подругу. Когда настало утро, он все еще лежал спокойно, точно отдыхал. Но он уже был мертв... Я снял цепь с его шеи. Один из ковбоев помог мне оттащить труп под навес, где лежали останки Бланки. Мы положили его рядом с ней, и ковбой проговорил:

– Ты все искал ее? Ну, так теперь вы снова вместе!

СОДЕРЖАНИЕ

Э. Сетон-Томпсон

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Подп. к печ. 09.01.92. Формат изд. 84X108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. п. л. 4,16. Усл. кр.-отт. 4,48. Уч.-изд. л. 4,80. Тираж 100 000 экз. Зак. 706 С 5.
Изд. № 1162/11Д

РАЛИ. Литературное приложение к журналу „Зарубежная радиоэлектроника". 101000, Москва, Почтамт, а/я 693.

Ордена „Знак Почета" Издательство стандартов, 123557, Москва, ГСП, Новопресненский пер., 3.

Отпечатано с диапозитивов в Калужской типографии стандартов, ул. Московская, 256.

PHOTOS BY ANDREY G AKA DONUT190